

Сергей Лукьяненко
представяет автора

Александра Окатова

КОРОЛЕВА НОЧИ

Александра Окатова
Королева ночи

Серия «Сергей Лукьяненко представляет автора»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8015787

Королева ночи/ Александра Окатова: Интернациональный Союз писателей; Москва; 2015

ISBN 978-5-906784-85-8

Аннотация

Удивительные рассказы пишет Александра Окатова. Фантастические сюжеты сочетаются у нее с вполне убедительными реалистическими характерами героев и точностью в изображении деталей, так что читатель невольно начинает верить, что в жизни, в действительности, все именно так и должно происходить. И это умение заставить поверить в самые фантастические коллизии мира, созданного художником, – несомненное достоинство таланта писательницы.

Содержание

Волшебные превращения слов и их смыслов	5
Часть первая	7
Замки, воздушные и не очень	8
Край непуганых принцев	13
Недоступная принцесса	17
Принц на горошине	21
Три апельсина	26
Спящая красавица	33
Прекрасный?	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александра Окатова

Королева ночи

Чтение – это нечто объединяющее зрение, слух, чутье и мышление.

Назым Хикмет

Волшебные превращения слов и их смыслов

Вы не задавались вопросом, за что люди любят сказки? Уверен, ответов будет довольно много. Поэтому стоит сразу разделить и сам вопрос на два. За что мы любили сказку в детстве? И за что мы продолжаем ее любить, став взрослыми людьми?

Дети любят сказки за волшебные миры и невероятные приключения. За чудо, в конце концов... За все это же сказки любят и взрослые – за возможность на время покинуть этот реальный мир и погрузиться в нереальный. Но и еще кое за что. Ведь каждая хорошая сказка – это нечто большее, чем то, чем она кажется на первый взгляд. Волшебная сказка обращается к древним истокам мировой культуры и одновременно – к глубинным основам слова как такового.

Такие сказки создает Александра Окатова. Творчество этой писательницы обладает редким качеством – оно узнаваемо. Читатель, знакомый с ее печатавшимися уже рассказами, легко узнает ее авторский почерк в новых произведениях, даже если имя автора закрыть.

Прозаик Александра Окатова имеет свое неповторимое и легко узнаваемое литературное лицо, свой витиеватый и необычный почерк. У нее есть свой ярко выраженный стиль, свой неповторимый язык и свой творческий инструментарий. Но – по порядку.

О языке. Он яркий и образный. Каждое последующее слово цепляется за предыдущее и сплетается в единую словесную вязь. Словно слова соединены вязальным крючком в кружева. В этом предложении я невольно подражаю Окатовой – она любит играть словами. «Словно слова» – у меня здесь. «Принцы все делают принципиально» – у нее в сказке «Край непуганых принцев». И так – во многих ее произведениях.

О стиле. Писательница очень любит сложные словесные конструкции со множеством придаточных предложений – сложносочиненные и сложноподчиненные. Однако у нее они не кажутся тяжеловесными, легко читаются. Практически поются. Целый абзац может оказаться единым предложением с одной единственной точкой в конце, но читается он влет, без каких-либо затруднений. Так писать умеет не каждый.

Ну и наконец – об инструментарии Александры Окатовой. Ее произведения легко узнаются по совершенно уникальному приему, отработанному ею до полного совершенства. Писательница очень необычно ощущает и воспринимает слова и их сочетания. Она невольно прочитывает их изначальный смысл и строит на этом целые сюжеты своих волшебных историй. Ничего удивительного – если воспринимать слова в их изначальном значении, то выйдет настоящая магия.

Вот, к примеру, первый рассказ из сборника. Его сюжет построен на основе двух весьма избитых идиоматических выражений, прямой смысл которых все уже давно разучились воспринимать. Для начала Александра Окатова, если можно так выразиться, воплощает в жизнь метафору «воздушные замки». Героиня этого рассказа не только строит замок из воздуха, но и гуляет по нему и даже падает с одной из его лестниц, ломая ногу. Затем возникает поговорка «Любовь зла – полюбишь и козла». И в сюжет врывается настоящий Старый Козел... И что бы вы думали? Героиня предпочитает его художнику, поэту и барду.

И такие волшебные прекращения переносного смысла слов и словосочетаний в прямой, метафоры – в прямое высказывание происходят практически в каждом произведении Александры Окатовой. Она и сама играет смыслами, как заправский жонглер булавами и мячиками, и вовлекает в эту заманчивую игру своего читателя. И втянувшись, уже невозможно оторваться.

Вот еще пример. Целый рассказ «Край непуганых принцев» построен на выкручивании из привычных слов неожиданного смысла. Читатель привык вкладывать в слова-определения, данные в качестве прозвищ этим самым принцам, один смысл, а все оказывается

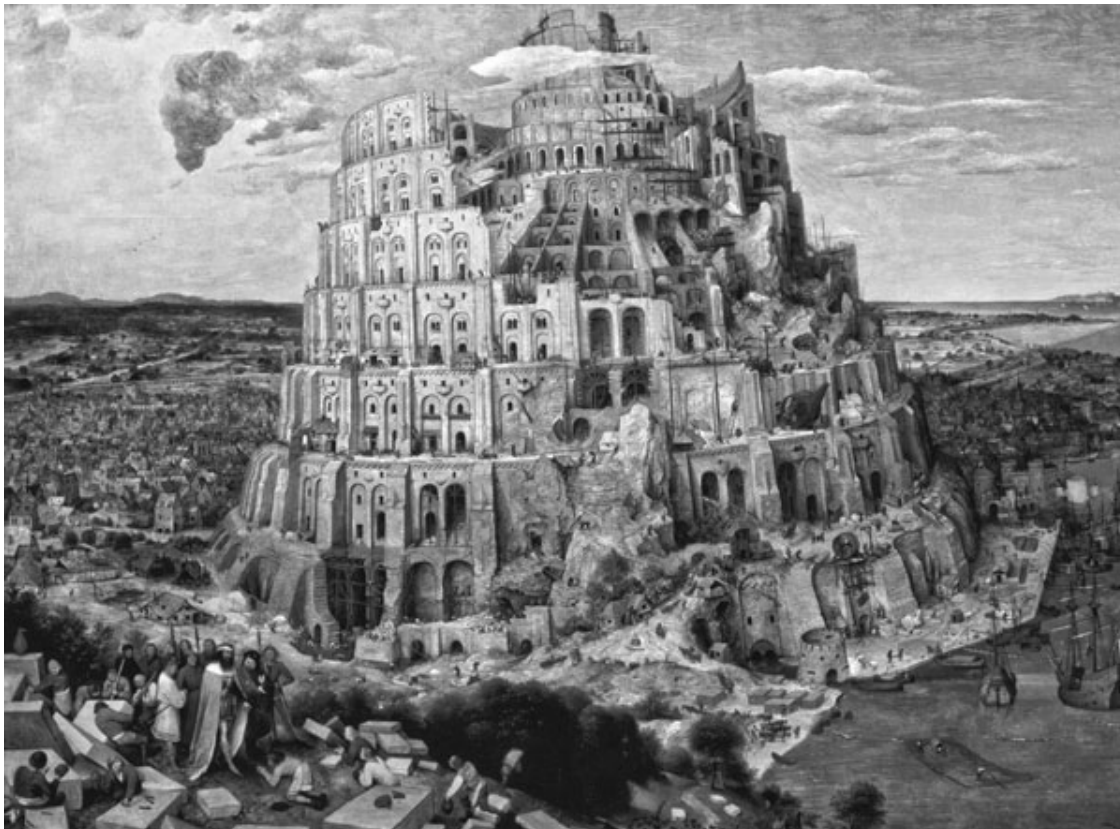
по-другому. Так, оказывается, что Фердинанд Безупречный прозван так из-за своего самодовольства и из-за того, что он не терпит упреков. А вот Фердинанд Безжалостный – напротив, незлобив и покладист и никогда ни о чем не жалеет. Зато уж Фердинанд Бездушный – злодей из злодеев, правда, никого не душит. Веселее всего Александра Окатова обошлась с Фердинандами Безвинным, Отчаянным и Настойчивым. «Дело в том, что в провинции Фердинанда Безвинного вино запрещено во всех видах. Фердинанд Отчаянный питал необъяснимую ненависть к чаю: просто терпеть его не мог, тошнило его от чаю. А Фердинанд Настойчивый самолично и саморучно готовил такую великолепную по вкусу и градусу настойку, что алчущие Фердинанды отрывались у него от души». Кстати, слово «саморучно» вполне себе претендует на звание неологизма.

Вот такой необычный автор Александра Окатова. Полноценными героями ее произведений становятся не только волшебные персонажи, но и сами слова, их сочетания и смыслы. А это признак высокого мастерства.

Андрей Щербак-Жуков, поэт, прозаик, критик

Часть первая

Замки, воздушные и не очень

Питер Брейгель Старший. «Вавилонская башня». 1564

Замки, воздушные и не очень

Она подумала, интересно, какие у других людей воздушные замки? На что похожи?

Если бы объявили всемирный конкурс воздушных замков, то какое место занял бы её? У неё тоже, как у многих других людей, был свой воздушный замок.

Замку двадцать лет, как и ей самой. Кому как, а для неё он был очень даже реальный, хотя и воздушный. Они у всех разные. Смотря что положить в основание. Какой краеугольный камень, так сказать.

У кого-то, как у её соседа, художника, с которым они даже иногда встречались на общем балконе, выходившем на запад: провожали там солнце на закат, был готический, например. Со стрельчатыми окнами и витражами в стиле пламенеющей готики, несколько мрачный, величественный и торжественный. С нефом, похожим на остов корабля. С мачтами колонн, со сводом, как небо, как его представляют люди, а зачем людям второе небо, если есть настоящее? Не затем ли, что его понять нельзя и оно бесконечно далеко от нас, значит надо сделать своё, рукотворное, понятное им небо.

Храм готический, вот оно, небо на земле.

У кого-то, вероятно, мог быть воздушный замок как сад, например, с апельсиновыми деревьями, с густой, сильной, плотной и блестящей листвой, а в ней апельсины как символ недоступности счастья. Сияющие круглые сочные плоды, ты тянешь к ним руки, а ветви как живые взлетают вверх и не поймать, не достать, не сорвать это сочное солнце, не даётся мечта в руки, улетает апельсин в небо, на то он и мечта, символ недоступного счастья, да, не хотела бы она такой воздушный замок.

А у неё был замечательный. У неё небесное небо, им кончался её воздушный замок, а в основании его лежал один камешек, с которого и началось строительство. Замок как облака. Лёгкий. Высокий, который не кончался даже там, где он переходил в небо. Вряд ли какой другой воздушный замок мог бы поспорить с её замком.

Он менял свои очертания в зависимости от времени суток. Утром замок вполсилы освещался нежным, цвета разведенного красного вина светом. Вечером замок словно таял в сиревом тумане сумерек.

Ну, например, однажды в сопровождении легкого приятного ветерка она направилась вверх, собираясь достичь балкона на третьем этаже замка, но по пути сбилась и оказалась на первом, в очень мрачном и тесном помещении, которое как раз и базировалось на краугольном камне воздушного замка. Еле выбралась!

По утрам коварный свет манил её всё выше и выше: она шла по переплетающимся лестницам, опасность заключалась в том, что как бы она ни старалась выбрать направление или высоту подъема, то всё равно ошибалась: лестницы приводили вовсе не туда, куда она хотела, хотя она всё время сверялась с планом замка.

А однажды она дошла до пятого этажа, но на повороте воздушной лестницы необдуманно остановилась на смотровой площадке, облокотилась на перила, которые подло растаяли у неё под руками, и она рухнула прямо с высоты пятого этажа, а у замков высота-то этажей побольше, чем у жилых домов, и пятый этаж воздушного замка это как семнадцатый у обычного, блочного дома.

Как она тогда осталась жива, непонятно даже ей! Она отделалась переломом ноги и два месяца ходила в гипсе и после того, как сняли гипс, она сама заметила, что нога левая, сломанная, другой человек ни в жизнь не заметит, стала чуть-чуть тоньше, чем правая. И сгибалась тоже чуть хуже, но на походке это тоже никак не отразилось, вообще бы никому в голову не пришло, что она ногу ломала.

С тех пор она стала осторожнее гулять по своему воздушному замку. Замок был очень своевольный, свободолюбивый и надстраивался, как ему заблагорассудится. А так она ходила, после того, как гипс сняли, с костылями ещё месяц, и на себе ощутила, как другие люди с неприятием, особенно, когда у них всё в порядке, смотрят на тех, кто упал со своего воздушного замка. Но ей даже жаль таких: может у них и замка-то никакого воздушного нет, ведь если такой есть, то слишком уж велика возможность с него упасть.

У которых такие замки есть, почти все с них летали. Вниз. Кое-кто и вверх, но это очень редко, это те, кто в юности влюбился удачно, кому ответили, кто оба-два невинны и друг на друге эту свою невинность замкнули и так и жили в общем воздушном замке. Вот те редкие экземпляры, возможно, и не падали, и детей там растили и поднимались всё выше и выше по пролётам без падений, но она таких и не знала вовсе, только слышала о них, но слабо верилось. Зато таких, как она сама, кто летал вниз, она видела по жизни очень много.

Один её знакомый человек, или ещё кто-то, надо разобраться, человек ли он, настроил таких замков, и населил их такими чудовищами, что потом всю жизнь с этими чудовищами сражался. Сражался, а потом и вовсе, когда носился с мечом по пещерам, заблудился в своём воздушном замке окончательно, и его собственные чудовища его же и сожрали. Или не сожрали, а просто он с ума сошёл, сам стал чудовищем, бегал потом по своему воздушному замку, похожему на подземелье, и всё в зеркала заглядывал, пытался сам себя отыскать, но так и не нашёл, всё ему какие-то чудовища в зеркалах попадались.

Кто-то совсем пропадал. Никто потом их не видел, она- то думала, что те, которые пропали в своих же воздушных замках, сами виноваты.

Она давно поняла, что иногда надо выходить и в реальную жизнь, нельзя всё время в своём замке сидеть, потому что те, кто так делал, таяли от сладости своей мечты, такие сладкие мечты бывали, что человек только ими и мог питаться, и высасывал всю жизнь из мечты, она погибала, и человек, который за это время так привыкал пить эту сладкую мечту, что когда высасывал её полностью, не мог перейти на нормальную пищу, потому что после сладкой мечты простая еда, конечно, покажется пресной и невкусной, и погибал от голода.

Она знала, что хоть так приятно гулять по своему воздушному замку, но надо не увлекаться и всё-таки иногда выходить оттуда и не заменять реальную жизнь постоянными мечтами.

Некоторые вообще слепли, слыхали про снежную слепоту? Это когда альпинисты, например, поднимаются всё выше и выше в горы и, когда доходят до заснеженных вершин, видят вокруг себя только сияние солнца, многократно усиленное отражением лучей от блестящего снега, и яркость эта сжигает им глаза.

Так и с мечтами. Если только на них глядеть, то их блеск слепил человека и он, потеряв зрение, тоже не мог найти обратную дорогу из воздушного замка, и оставался в его лабиринтах, слепой как крот. Кто погибал, а кто и находил в своём плачевном положении прелесть. У некоторых ослепших от блеска мечты, прорезался божественный слух, они слышали недоступные другим звуки, и пытались рассказать другим об этой музыке сфер, но им не верили те, кто таких звуков не слышал, а кто слышал, те рассказов не слушали, получается замкнутый круг бесполезных усилий. Впрочем, все воздушные замки это в той или иной степени замкнутый круг бесполезных усилий.

В общем, воздушные замки явление хоть и красивое, но небезопасное. Она-то со своей сломанной ногой это знала лучше всех, потому что травма её была не смертельная, но достаточно серьёзная, что бы сделать правильные выводы. Ей ужасно надоело бродить по воздушному замку в одиночку, что опасно, и пора бы уже детишек завести и гулять по замку в компании мужа и парочки крошек, в которых временами видеть себя, а временами мужа, только не всегда набор хромосом поровну от каждого родителя обеспечивает внешнее сходство с каждым из супругов, иногда и вовсе нельзя найти что-то общее, но это тоже ни о

чём не говорит, потому что такие качества как ум, музыкальный слух, художественный вкус передаются по наследству, никак не отражаясь на внешнем облике.

И вот, значит, чтобы выйти замуж, она стала приглядываться к соседям, чтобы выяснить по облику воздушного замка, насколько они похожи, и будет ли каждому комфортно в воздушном замке избранника.

Рядом, почти соприкасаясь крышами, находились замки трёх молодых людей. Первый – поэт. У него был замок в виде высоченной стопки книг, положенных одна на другую, в силу темперамента поэта не ровно, а как попало, что очень роднило замок невесты и замок поэта. Другой – бард. У барда замок был в виде гитары, наподобие сцены Грушинского фестиваля, поставленной вертикально. Такой замок нашей невесте тоже по вкусу. А третий – художник. У него замок был как готический собор, см. выше, в начале рассказа. Этот замок нравился невесте безусловно.

Ей-то конечно хотелось, чтобы в её партнёре сочетались все три ипостаси, но она понимала, что это невозможно. Надо выбирать и срочно, потому что с каждой секундой годы неслись всё быстрее, и если так дальше пойдет, она ни вздохнуть, ни ахнуть не успеет, как наступит пенсия и тогда ей только останется сигануть с верха воздушного замка вниз, а к тому времени замок вырастет и падать будет ну очень высоко и больно.

Она решила, что надо объявить рыцарский турнир, и победитель турнира будет удостоен чести стать её счастливым мужем, а как всякая девушка, она ничуть не сомневалась, что быть её мужем – это настоящее счастье. Вот бы она удивилась, если бы волшебным образом узнала, что её муж скажет потом, после двадцати лет счастливого брака. А сейчас, невеста в самом цвету, могла, конечно, объявить турнир, и никто бы её в этом не упрекнул, кроме старого умудрённого опытом козла, про которого говорили, что любовь зла, полюбишь и козла, и который как раз знал об этой особенности красивых молодых девушек влюбляться в таких старых козлов, как он. Кому и знать- то, как ни ему.

Объявляет, значит, она турнир, а ей-то невдомёк, как трое могут такой турнир организовать. Надо четыре, как минимум, а лучше восемь, тогда и четвертьфинал, и полуфинал и финал будут обеспечены и зрелищность будет на самом высшем уровне. Ну, трое претендентов уже есть, четвертого найти, как они полагали, не проблема, ан, нет! Сколько они не подходили к молодым мужчинам и не спрашивали, четвёртым будешь? все поголовно крутили пальцем у виска, молча. Некоторые, правда, говорили, вы бы ребята, спрашивали: третьим будешь, то каждый бы с радостью, а четвёртым-то никто быть не хочет.

Искали они долго, и никто не изъявлял желания. Они к старому козлу: не хватает одного участника, ну будь человеком, козёл, помоги! Тот категорически отказался, даже разговаривать не стал, сказал только, что он в таких глупостях перестал участвовать ещё двадцать лет назад и возвращаться в детство не собирается, и пошёл в огород, пугать бабочек-капустниц, которых он считал своими кровными врагами и гонял из огорода своим козлиным пением, они от него разлетались как сумасшедшие, ломая крылья. И не только они, все, кто ещё мог шевелиться, расползались и разбегались, только заслышав, как поёт козёл.

Тогда уговорить козла решила невеста без места: она узнала номер его мобильного телефона и позвонила:

– Не вы ли тот знаменитый козёл, про которого ходит легенда, что в него влюбляются все без исключения молодые девушки?

Хороший ход: козёл, он хоть и козёл, но отнюдь не чужд людским слабостям: тщеславию и самолюбованию.

– Да, – говорит он, – несомненно, это я.

– Ах, ах, – говорит она, – а как же вы можете подтвердить, что это именно вы? – хитрая, бестия, подумал козел.

– Я, – говорит, – доказывать вам ничего не собираюсь, потому что мне это на фиг не удалось. Хотите, – говорит, – верьте, хотите, нет, мне это совершенно индифферентно.

Тут невеста почувствовала жгучий интерес к козлу, который так ловко ввернул такое мудрёное словцо, потому что она сама была без ума от изящной словесности и сочиняла премиленькие опусы исключительно в прозе. Она пошла ва-банк.

– Вы, я вижу, образованный и тонкий козёл, – сказала она, – и я желала бы выйти за вас замуж, если бы вы сообразовали бы, – тут у неё язык завязался в узелок за счёт обилия частиц «бы» и «ли», и она смущенно замолчала, тогда великодушный козёл закончил фразу за неё: принять участие в турнире и победить?

– Да-да-да, – облегченно выдохнула невеста, почувствовав благодарность за то, что он так ловко её язычок развязал.

Старый козёл согласился, скрепя сердце, это тоже весьма непонятный речевой оборот. Некоторые люди не задумываются и говорят: скрипя сердцем, словно оно от нежелания делать что-либо, скрипит, какая глупость! Правильно говорить: скрепя сердце, то есть сердце разрывается, от того, что вы должны сделать что-либо, чего вам не хочется, а вас очень просят, просто умоляют, стоя на коленях, и вы, чтобы оно не разорвалось, скрепляете сердце, не знаю там чем, железными обручами, как в сказках Гримм, или скрепя пластырем, как представляют врачи, или прутиками, как рыболовы и охотники, всё-таки делаете то, о чём вас попросили люди, стоя на коленях и орошая слезами ваши не слишком чистые ноги.

Итак, всё готово. Четыре участника, куча зевак и невеста в белом платье в первом ряду, уже совсем готовая выйти замуж за победителя, кроме, конечно, козла, который участвовал только для ровного счёта.

Первая пара: Бард и художник. Каждый вышел со своим оружием, что предусмотрено правилами поединка. Каждый рыцарь на боевом коне со своими верными оруженосцами в доспехах: у художника вместо щита – мольберт, а вместо пики – кисть, которой он в мирное время ваяет маслом свои шедевры, а у барда не было щита, только гитара в руках, которая служила и оружием и защитой.

Рыцари пришпорили коней и понеслись навстречу своей судьбе: они встретились на середине дистанции и казалось, художник победит, как в самый ответственный момент тяжёлый мольберт перевесил и грохнулся прямо под ноги арабского некрупного, лёгкого с щучьей мордой коня, и в этот момент с громогласным аккордом гитара барда опустилась на голову несчастного художника, хорошо, что он был в огромном бархатном берете с плюмажем, а то разбил бы бестолковку-то. Зрители взревели от восторга и скрытого желания поучаствовать в таком замечательном поединке.

Вторая пара, естественно своим ходом, без коней, чтобы не обижать козла, появилась на арене: старый козёл выглядел как... как старый козёл, а поэт как молодой. Он приготовился как нельзя лучше: взял в руки вместо меча томик своих стихов, а старый козёл только вставил в уши побольше ваты. Чтобы не звенело в ушах, когда его будут бить, а остального он не боялся, ну, правда, чего может бояться старый козёл, правильно, ничего! Они вышли на середину. Старый козёл только занёс рога, чтобы огреть молодого поэта по затылку, как поэт, ничтоже сумнящся, открыл томик своих стихов и как шархнул ими, то есть отдекламировал старого козла, а в результате пострадали невинные зрители. Поэт об этом не подумал, этого он не предусмотрел.

Стихи были такие плохие, такие тяжёлые, такие ужасные, что люди с тонким вкусом просто корчились на трибунах, однако невеста не пострадала, она не особо разбиралась в стихах, она писала только прозу, и рифмой кровь- любовь и роза-мороза её не прошибёшь, как и старого козла, который как вы помните, вставил в уши вату, чтобы не звенело в голове. Так что козлу хоть бы хны. Молодой козёл, простите, поэт, получил по рогам, пока ещё маленьким и, поклонившись, гордо удалился.

В финале остался бард со сломанной гитарой и старый козёл с ватой в ушах. Исход поединка никого не удивил. Бард попробовал оглушить козла своим бляением, но как известно, барды без гитары почти ничего пропеть не могут. И когда бард, исполнив кое-как песню без аккомпанемента, повернулся лицом к публике и отвесил низкий поклон, старый козёл не растерялся и вполсилы поддал рогами прямёхонько под центр тяжести барда, в результате чего тот улетел с арены.

Всех победил старый козёл. Невеста обрадовалась. Оказывается, ей нравился старый козёл, такой мужественный, харизматичный, а его молчаливость и лёгкая мужская грубость придавали ему флёр таинственности.

Так в жизни часто бывает: собирается выйти какая-нибудь девушка за козла, все кругом видят, что он козёл, и даже говорят ей: не надо, не ходи за него замуж, он козёл, а она твердит только, он хороший, вы его не понимаете, он такой замечательный, такой нежный, он так страдает, он такой тонкий.

И здесь тоже самое: козёл как козёл, да ещё и немолодой, старый, можно сказать, а она: он такой смелый, он такой мужественный, суровый, молчаливый, конечно, будешь молчаливый, если вату из ушей забудешь вытащить, а наш-то козел, как раз и забыл, поэтому она ему: милый мой, красивый, умный, хороший, любимый, а он молчит, не слышит потому что, а она только распаляется от того, что он молчит, и всё вокруг него ходит, хоть словечка от него добивается, мой родной, мой талантливый, а он опять ни гугу, и так она от этого влюбилась, что для неё все остальные козлы просто перестали существовать.

Пара получилась гармоничная и прочная. Её замок воздушный перенесли на его огород, она больше времени стала проводить на природе, на грядках, крепко стоя на земле, поэтому ноги больше не ломала, но и замок тоже пригодился, она туда экскурсии стала водить: и ей веселее, и достаток в доме.

Прожили друг с другом прекрасную жизнь, полную любви и согласия. Детки козлята, внуки козлятки. Благодать!

Мораль: хорошо, когда жена любит мужа, а муж не спорит с женой, и неважно, что муж козёл, жена сама его вознесёт на пьедестал, главное, чтобы он был загадочным и молчаливым – глухим, одним словом!

27.06.13

Край непуганых принцев

В одной стране было столько принцев, что народ не знал что с ними делать. Принцы спокойные, на войну не ходили, друг с другом не ссорились, жили мирно. Народ под их правлением изнемогал, однако, потому что принцы люди непростые и к каждому подход надо искать, иногда долго. Звали этих принцев одинаково, по какой-то иронии судьбы. Всех их звали, да что это я, зовут, конечно, зовут! С фантазией у их родителей было видимо не очень, или мода такая на имена была, всегда так, то в стране куда ни глянь все мальчики Сигизмунды, выйдешь на улицу, крикнешь: Сигизмунд! так все как один оборачиваются. На другой год смотришь, а всю мелкоту зовут к примеру Румпельштильхен. И с девчонками так же – нет чтоб назвать простым королевским именем Мария, так все кругом Алисы.

Наших принцев, всех, как одного, звали Фердинандами.

На северной границе страны жил Фердинанд Безупречный. Могло показаться, что он человек благородный, честный, великодушный и поэтому все принцессы, имеющие прописку в радиусе ста километром от Фердинанда Безупречного, ринулись завоёвывать его расположение. Они приезжали толпами, селились на постоянных дворах, опустошали в лавках годовые запасы шоколада, розовых ленточек в галантерейных лавках и розовых кустов в горшках в цветочных лавках. В писчебумажных – после набегов принцесс днём с огнём не найдёшь розовой, бежевой, голубой и чёрной шелковой бумаги по степени убывания популярности. И чернил, но тут сперва исчезали бордовые, потом голубые, и потом уже чёрные, которыми писали полные упрёков письма. В парфюмерных лавках сметались с прилавка все духи, они приобретались принцессами для писем. Письма душили в больших чанах, зараз все. Кому нравилось в «Серебристом ландыше», кому – в «Красной Москве», кому – в «Шанель номер пять».

После душения писем чаны с использованными духами отправляли в армию, на полевые сборы, для отдушки портянок. Принц, проводящий в это же время строевые смотры, поначалу очень удивлялся, почему в палатках солдат пахнет ландышем, а в офицерских – «Красной Москвой». Потом привык и даже с ходу на спор определял с завязанными глазами, кто перед ним, рядовой или офицер, а ему самому шёлковые портянки душили «Шанелью». За время похода он так привыкал к запаху духов, что когда возвращался во дворец, и ему приносили надушенные письма поклонниц, он не читая, приказывал их выбросить, потому что они напоминали ему солдатские портянки.

Хорошо, что это безумие продолжалось не весь год, а только летом, а в остальное время принцессы выдворяли из пределов провинции и они устремлялись к другим принцам. Принцессы, которые слетались к Фердинанду Безупречному, очарованные его прозвищем, и сами себе нафантазировавшие, какой он замечательный, обиженные его невниманием и пренебрежением к достижениям их эпистолярного, можно сказать, жанра, и не догадывались, какой беды они избежали, когда они, обиженные на принца, уезжали из замка. Дело в том, что прозвище «Безупречный» он получил вовсе не потому, что они сами себе напридумывали и намечтали, а вовсе даже по противоположным причинам: «Безупречным» его прозвали потому, что он был таким самолюбивым, что не терпел упрёков в свой адрес. Вообще. Никаких. Как только кто по неосторожности упрекнёт его в чём-либо, он тут же раз – и голову долой. И никаких упрёков. Нет человека – нет упрёков. Вот потому и Безупречный.

На южной границе страны жил Фердинанд Безжалостный. С ним проще всего. Никто не беспокоил принца. Враги боялись его и старались обходить его провинцию седьмой дорогой. И чтобы освободить движение на седьмой дороге от бесконечных заторов и пробок в

королевстве приняли решение переименовать все дороги в южной провинции и присвоить им номер семь. Это значительно улучшило остановку.

Фердинанд Безжалостный на самом деле был незлобивым, очень вежливым и добрым человеком. Философом. Он придерживался простой и ясной философии. Он считал, что все неприятности оттого, что человек что-то делает, а потом жалеет об этом, а что сделано, то сделано и ничего исправить нельзя и пытаться исправить – только делать ещё хуже. Уж если воткнул кому-то нож в сердце, то не пытайся из сострадания его вытащить, потому что только хуже сделаешь, уж лучше так оставить. Некоторые так и живут с ножом в сердце и ничего – радуются жизни да ещё и нож свой любят, он даже знал одну такую принцессу, которая свой нож очень любила и ни за что бы с ним не рассталась. Поэтому этот Фердинанд принципиально ни о чём не жалел, что бы он ни сделал, и поэтому его прозвали Безжалостным, а вовсе не потому, что вы подумали.

На западе страны проживал Фердинанд Бездушный. В этой провинции никто не хотел жить. Народ туда пригоняли раз в две недели, заманивая туда обманом, а именно обещанием турпоездки в Египет за двести долларов. Оставались ещё наивные, которые верили таким мерзким лживым обещанием. Вербовщики привозили народ, давали им читать рекламные брошюры и, пока люди читали и мечтали о поездке, вербовщики коварно разворачивались и уезжали, бросив людей на произвол принца.

Принц, прознав о таком кошмаре, творимом беспредельщиками-турагентами, принял самые жестокие меры: поймают турагента, и сразу казнят его без суда и следствия. Фантазия у него была бурная и список казней получился внушительным. Первым делом он посылал коварных турагентов в поездку по тем местам, которые эти самые турагенты рекламировали. Казни египетские – шутил он. Это было жестоко, но справедливо. Если они выживали после этого наказания, что бывало редко, потому что они мёрли как мухи: тонули в бассейнах, напившись допьяна в мусульманских странах, где алкоголь запрещён под страхом смерти, травился поддельным алкоголем в тех же мусульманских странах, но если они возвращались, то жестокость его не имела предела: он заставлял их работать на полях, стирать бельё в прачечных, работать поварами, официантами и самое страшное наказание – работать в школах и детсадах с современными детьми. Единственный вид казни, который он не применял, это удушение в объятиях. Поэтому у него и было прозвище – Бездушный, потому что он никогда никого не душил. Так что, несмотря на прозвище, которое могло показаться жестоким, он был справедливым, честным и порядочным человеком.

На востоке проживал Фердинанд Безответный. Вы конечно представили себе покладистого, дорого и милого человека, с которым можно делать всё, что вам заблагорассудится. Всё-таки Фердинанд Безответный. Этими же соображениями руководствовались и невесты, которые как бабочки на варенье летели, расправив крылья любви, отметьте: заранее летели, они ещё его в глаза не видали, а уже влюблялись, основывая свои неглубокие чувства только на прозвище, а для серьёзных отношений пустых фантазий явно недостаточно.

Девы, в надежде на взаимное чувство, приезжали к нему во дворец и останавливались на несколько дней. Когда собиралось достаточное число соискательниц, принц объявлял бал. Девы за дни ожидания совсем сходили с ума, а особенно девы, собранные в одном месте, как пауки в банке. Это страшное зрелище. Они ссорились друг с другом, делали друг другу мелкие пакости: срезали пуговицы, особенным шиком считалось срезать пуговицы прямо перед балом, чтобы соперница не успела пришить их. И ещё: если пуговицы шли в ряд от ворота до подола. Накануне бала привлекательной деве могли заменить жидкое мыло на клей – тогда приходилось стричь голову наголо и конкурентка сама с позором удалялась.

Правда, иногда случались казусы. Одной пышногрудой деве срезали пуговицы, так она пошла не застёгнутая, прикрыв декольте только газовым шарфом, под названием фишю, и почти завоевала внимание принца!

Но не так страшны пакости, которые делали девушки друг другу, как сами девушки – себе. За несколько дней они сами так себя накручивали, что на бал приходили влюбленные, экзальтированные, готовые броситься на принца с выражением своей безмерной горячей любви. Как жаль, что их ожидало самое большое разочарование в жизни. Принц никому не ответил. Он никогда никому не отвечал на любовь. Не хотел – и не отвечал. Никогда. Поэтому его и прозвали Безответный. Вот облом, правда?

На северо-западе, в провинции, граничащей с землями Фердинанда Безупречного и с провинцией Фердинанда Бездушного, лежали поля и леса Фердинанда Беспечного. Вот казалось бы, где жить хорошо, но все знают, что хорошо там, где нас нет. Во владениях Фердинанда Беспечного всё было не так уж плохо. Народ жил спокойно, чинно, благородно. Еды хватало, никто не голодал, невесты тоже водились. Целыми днями народ возделывал землю, к вечеру после ужина, позволял себе немного расслабиться, но времени на это оставалось мало, потому что слишком много времени уходило непосредственно на приготовление ужина, а так же обеда и, соответственно, завтрака. Это проистекало из того, что принц принципиально, а как же иначе, конечно, принцы всё делают принципиально, такая у них планида, не признавал никаких других источников тепла, кроме костров. Если в других провинциях всё готовили в печах, то в провинции Фердинанда Беспечного, как вы понимаете, печи были запрещены. Вообще. Потому что в глубоком, очень глубоком детстве, маленького Фердинанда отправляли на деревню к дедушке. Дедушка с развлечениями для внука особо не заморачивался: сажал его на печь и занимался своими делами. Однажды он забыл, что определил внука-принца на печь и растопил её слишком сильно. Снял ребёнка только тогда, когда тот проснулся и истошно заорал. Принц сильно пострадал и долго не мог сидеть. После этого происшествия он стал ненавидеть печи, и как только принял бразды правления, то первым же указом строго-настрого запретил использовать в быту печи. Готовить можно только на кострах. Хорошо, что недостатка в топливе не было: из провинции Фердинанда Безупречного привозили обозами пропитанные духами письма поклонниц, которые тот отправлял для разведения костров соседу. И Фердинанд Безответный тоже не жидился: и письма, и послания, и стихи от экзальтированных принцесс тоже оказывались у Фердинанда Беспечного. Топлива хватало.

На северо-востоке, юго-востоке и юго-западе проживали Фердинанд Безвинный, Фердинанд Отчаянный и Фердинанд Настойчивый. Все трое, судя по прозвищам, люди очень благородные и порядочные. Отчаянный немного пугал своим прозвищем, но в целом ничего. Они очень дружили между собой и часто собирались в одном месте. Чаще всего они собирались у Фердинанда Настойчивого. Они садились по-дружески за стол и с чувством, с толком проводили время в неспешных беседах.

Они говорили обо всём: о литературе, поэзии и прозе в частности, а их разговоры об изобразительном искусстве вполне бы могли составить программу на канале «Искусство». Их познания в области науки были бездонны. Человеческие отношения тоже не представляли для них никакой тайны, всё открыто взору трёх мудрецов, в общем, сидели, соображали на троих. В окончательной стадии застолья они переходили к самому важному для них вопросу, который каждый раз звучал предельно банально. Догадались? Ты меня уважаешь? Дело в том, что в провинции Фердинанда Безвинного вино запрещено во всех видах. Фердинанд Отчаянный питал необъяснимую ненависть к чаю: просто терпеть его не мог, тошнило его от чая. А Фердинанд Настойчивый самолично и саморучно готовил такую

великолепную по вкусу и градусу настойку, что алчущие Фердинанды отрывались у него от души. Утром, правда, болела голова, но головную боль быстро излечивали стопкой крепкой настойки: лечи подобное подобным, как говорили древние.

Вот такая страна. По просторам страны как воины-кочевники без толку носились толпы невест от одного Фердинанда до другого и до трёх других неразлучных Фердинандов. Девушки разоряли селения, распугивали диких и домашних животных, мешали проведению сезонных сельскохозяйственных работ, уничтожали запасы почтовой бумаги, чернил, роз в горшках и клубники на грядках, а также мили розовых лент.

Центр страны был почти вытоптан их маленькими прелестными ножками, и благодаря их природной чувствительности, любителям полежать в тенёчке под кустиком следовало внимательно выбирать место для отдыха, чтобы не вляпаться в свежую розочку, оставленную юной девушкой.

Мораль: Во-первых, никогда нельзя делать выводы о человеке, основываясь только на его прозвище. Фердинанд Безупречный оказался жестоким и самовлюбленным самодуром, а Фердинанд Безжалостный абсолютно безобидным благородным философом.

Во-вторых, девы – самые мудрые существа. Пока принцы маются дурью, девы всё-таки думают о продолжении рода и настойчиво ищут достойных женихов.

В-третьих, самый важный, но и самый грустный вывод: принцев много, а замуж выйти не за кого.

Вот такая жизнь.

14.06.13

Недоступная принцесса

Она по праву называлась недоступной.

Никто никогда не мог похвастаться, что близко подступился к ней. Она гордилась своей недоступностью. И тратила массу усилий, чтобы свою недоступность доказать. Поэтому, если на подступах к месту дислокации принцессы появлялся какой-либо принц, то по системе оповещения, спасибо мобильной связи, принцессе тут же сообщали об опасности и она снималась с места и срочно переезжала на новое, тоже, конечно, недоступное, место.

Вот и сейчас, она только расположилась в центральном Тибете, погостить в монастыре, и надеялась, что пробудет там не менее двух месяцев, как сегодня вечером она чуть не потеряла свою недоступность. Группа её фанатов приближалась по горной дороге к стенам монастыря. Она срочно должна была убраться отсюда.

А принцесса ругалась, топала ногами от бессильного негодования, а потом опять начала собирать чемоданы. Почему принцесса сама собирала чемоданы? – спросите вы, разве так бывает? Бывает. Принцесса только что уволила свою горничную. Что называется, с треском. Она, горничная то есть, оказалась продажной тварью, нахалкой и невоспитанной фурией, на что принцесса получила: сама фурия! На такое заявление трудно ответить достойно, и принцесса спор проиграла. Горничная кинула в чемодан платье, которое она держала в руках, и бросила свою хозяйку.

Потому-то принцесса и собирала чемодан сама. С непривычки это оказалось очень утомительным занятием. Вот парадокс: она, Недоступная принцесса, вынуждена каждые две недели, редко больше удавалось прожить на одном месте, переезжать на другое место. Все её люди хранили в тайне место, куда она направлялась, но через несколько дней непонятно каким образом в прессе появлялись заметочки, сейчас-то понятно, что эти заметочки появились от того, что фурия-горничная выдала симпатичному репортёру тайну местонахождения Недоступной принцессы.

В туманных выражениях в заметочках были зашифрованы приметы, по которым её поклонники каким-то обострённым чутьем угадывали, куда она собирается переезжать, через неделю начинался штурм, а через две нахальный поклонник появлялся на пороге её резиденции и она вынуждена была опять сниматься с места и в который раз переезжать.

На этот раз она решила укрыться в самом сердце пустыни. И поехала в Африку. В пустыню Сахару. Поддержать славу недоступной принцессы. До Сахары наша горемыка-принцесса не доехала. Она преодолела горную область по дорогам с нависшими над ней скалами из розовых гранитов, вишнёвых андезитов и чёрных габбро. Она пересекла каменистую хамаду.

Пошёл песок.

Бедную принцессу закутали в бурнус, замотали шею и голову трехметровым полотнищем, которое называется шеш, родная мама не узнала бы! Ночью лагерь принцессы был поднят на уши страшным шумом: принцессу собирались похитить! Она забилась в угол палатки и просидела там остаток ночи. Утром оказалось, что действительно похитили, только молодого мальчика-погонщика – его перепутали с Недоступной принцессой. Испуганная ночным происшествием принцесса, наслушавшись к тому же страшных рассказов о песчаном тумане, поющих песках и зловещей музыке солнца, захотела срочно выехать из опасного места и наутро покинула негостеприимную землю Сахары, заблудившись напоследок в зарослях кактусов, где пришлось прорубать дорогу. Во время бегства ей пришлось питаться только плодами кактусов, которые оказались сладкими и сочными, особенно вкусны они оказались со льда, охлаждёнными.

Прошло десять лет.

Недоступная принцесса по-прежнему заслуженно пользовалась славой самой недоступной. Можно сказать, почивала на лаврах. Это очень опасное занятие. Только ты расслабишься, как раз и тебя спихнут с Олимпа. Подрастает, однако, молодая смена, за десять-то лет выросли пигалицы, на которых она раньше и внимания-то не обращала, того гляди, её и подвинуть могут: кому сказать – не поверят!

За эти десять лет её уже достали эти переезды! Сколько можно! Надоело. Так надоело, что её ничто не радовало. Она устала метаться. Она уже лет десять болталась, можно сказать, по миру, чтобы поддержать репутацию самой недоступной. Поддерживать репутацию всегда трудно, а репутацию недоступной принцессы вдвойне. Денег на это требовалось всё больше, истрепались платья, стоптались ботинки, представляете, принцесса-бомжиха, вот ещё не хватало! Ещё в последнее время всё чаще случались конфузы: для поддержания реноме она забиралась в самые недоступные места, и никто её не искал, представляете?

Недавно она забралась в Бермудский треугольник. Она плавала там в шлюпке с матросами и спрашивала, заметьте, очень вежливо:

– Господа матросы, а где же всё-таки находится этот, с позволения сказать, треугольник? Что-то я ничего не вижу на горизонте. А что показывает ваш компас? – ввернула она морское словцо, сделав ударение на букве «а».

Матросы грубо заржали, чем очень обидели принцессу, она надула губки и замолчала. И только старый матрос, который всегда держал занавеску, когда она справляла нужду, сказал:

– Компас всегда указывает на север, а человек сам выбирает, куда он пойдёт. Жизнь всегда указывает на смерть, а сердце – на любовь. Ты девка справная, кончай дурью маяться, выходи замуж, рожай детишек, а то скоро тебя никто замуж не возьмёт!

Так они плавали целую неделю, пока хватило провизии и терпения принцессы кушать грубую матросскую еду и какать на весу за шёлковой занавеской. Но чего не сделаешь для поддержания статуса самой недоступной.

К её удивлению ни один, даже самый захудалый поклонник, не потрудился найти её в пресловутом Бермудском треугольнике. Она расстроилась, но не пала духом. Сказывались десять лет лишений и борьбы.

Теперь она собиралась на остров Пасхи, Рапа-Нуи, в юго-восточном углу Тихого океана. Очень даже недоступный! Она пробыла там три месяца: насмотрелась на каменных исполинов досыта, и так они ей надоели, хоть плачь! До того, что и смотреть на них уже не могла. Пересчитала все восемьсот восемьдесят семь моаи несколько раз, а ни один поклонник так и не появился. Что делать?

Тогда она направилась резко на север, на остров Элсмир, там, в пятистах восьми милях от северного полюса, в компании всех пятерых жителей Элсмира она пробыла месяц, гуляя от скуки в сугробах между метео- и радиостанцией. Никто из находящихся в добровольном заточении даже не попытался за ней поухаживать.

Она озадачилась и рванула в прямо противоположном направлении: на станцию Мак-Мёрдок, американский научно-исследовательский центр, на леднике Росса, в Антарктике. Населения там полторы тысячи человек, три аэродрома и вертолётная площадка, и целых сто зданий. Недоступная принцесса прибыла на вертолёте и очень удивилась, что её из местных никто даже не встретил. И ни один поклонник на протяжении двух месяцев не прислал ей ни письма, ни телеграммы, хотя она, против своих привычек, разместила в журнале «Наци-

ональная география» маленькую, но прелестную фотографию в стиле «я на фоне ледника в Антарктиде», на фото она вышла очень милой и в меру недоступной, подпись гласила: «Привет моим друзьям!», и адрес: Антарктида, ледник Росса, Недоступной принцессе. Но ни один так и не воспользовался такой деликатной подсказкой.

Она всерьёз обеспокоилась.

Через некоторое время она отправилась на остров Буве, опубликовав уже очень нескромное сообщение в Таймс: Недоступная принцесса ждёт своего принца на острове Буве, в южной части Срединно-Атлантического хребта на зависимой норвежской территории, названной в честь французского капитана Жана-Батиста Шарля Буве де Лозье, заметившего затерянный и неприступный, как сама принцесса, остров 1 января 1739 года. Наша принцесса очень уважала Жана-Батиста Шарля Буве де Лозье за его имя и никогда не думала, как многие другие, что это весь экипаж корабля, а не один человек, как это было на самом деле.

Отчаянный призыв недоступной принцессы и на этот раз остался без отклика. Молодые люди нагло проигнорировали его. Она расстроилась, хотя годы, можно сказать, скитаний и закалили её характер, и ничего её не пугало, кроме того, что её теперь никто, кажется, не собирался добиваться.

Она даже побывала в точке Немо, месте относительной недоступности, самой удаленной от суши точке Тихого океана, с координатами: 8 градусов 53 минуты северной широты и 123 градуса 24 минуты западной долготы. Принцесса и не надеялась на то, что её кто-то будет разыскивать, просто она любила романы Жюль Верна, и особенно его героя, капитана Немо, вот кто подошёл бы ей как супруг, такой же недоступный, как она, и были бы они вдвоём все двадцать тысяч лье под водой: оба такие недоступные!

Увы, опять её никто не искал.

На Эверест она решила уже не забираться.

И смысла нет, да и возраст уже не тот, двадцать восемь лет не шутка. Пора бы осесть где-нибудь в недоступном месте и – замуж! Недоступной она теперь была даже без каких-то усилий: просто потому, что никому, похоже, не было до неё дела. Она подумала-подумала, и успокоилась. У неё русские корни, да ещё польская кровь, характер получился – порох с бертолетовой солью, в общем огонь, да ещё бывалая путешественница, теперь ей не страшны никакие суровые условия. Она ничего не боялась, научилась терпеть холод и зной, голод и обжорство. Поэтому она выбрала для места постоянного проживания Россию, Владимирскую область, Нестеровский район, деревню Пенья. Название происходило от слово пенья, в смысле коренья, но с течением времени название трансформировалось в Пенье, как искусство извлечения звуков с помощью голосовых связок. Да так и осталось. В деревне жили уже одни дачники, последние местные жители исчезли в девяностых годах двадцатого столетия.

Вот уж недоступное место – не чета Тибету, нипочём не добраться, только пешком от станции два часа по колдобинам. А в дождь глинистую почву развозило так, что идти невозможно.

Зато в недоступных лесах по просекам – земляники поля, по краю недоступного березничка – маслятки, в недоступных сосняках в августе – черника. Осенью – клюква на недоступном болоте прямо в деревне.

Наша-то, закалённая путешественница, как тут и родилась.

Ещё радость: туалет, хоть во дворе, но крепкий, удобный, от ветра спасает, это тебе не со шлюпки в море какать!

Принцесса наша быстро освоилась, всё в руках горит, и огород и лес, да и с недоступностью всё в порядке: по высшему разряду. Её никто не достаёт, и она тоже!

Мораль: прежде чем скрываться, прикинь, а вдруг тебя никто искать-то не будет?

17.06.13

Питер Брейгель Старший. «Морской бой в гавани Неаполя». 1558—1562

Принц на горошине

В одной северной стране жил принц. Строго говоря, принцем назвать его можно с большой натяжкой, потому что в этом королевстве уже давно всех королей и принцев попросили удалиться, и кто удалился, тот не пожалел. А король, его папа, решил остаться и пожалел. Потому что жизнь его очень изменилась. Вместо родового замка, который стоял на высоком берегу бурной реки в глухих лесах, ему дали двухкомнатную квартиру в промзоне Москвы между железной дорогой и открытой веткой метро.

Дом построили почти семьдесят лет назад и горячего водоснабжения в доме не было. Была только холодная вода, а чтобы пользоваться горячей, надо включить газовую колонку. Сейчас, наверное, колонки уже сняли и провели горячую воду, как по всей Москве.

Король погиб на войне, королева умерла от горя и принц остался один на всём белом свете. Дома у него всегда царил образцовый порядок. Принц славился на всю страну своей педантичностью, вся страна знала, какой он чистоплотный и организованный. Эти качества в несколько гипертрофированной форме перешли к принцу от его пра-пра-пра-пра-пра-бабушки, весьма известной во всех кругах, спасибо ей большое. Её все-все знали – это была Принцесса-на-горошине. Естественно такой аккуратный и педантичный потомок не мог не сохранить горошину его пра-пра-пра-пра-пра-бабушки.

Всё в доме принца всегда было на своём месте, и если кто-то брал что-либо в руки, принц очень сердился и приказывал поставить эту вещь на место. Этот строгий запрет распространялся практически на всё в покоях принца: нельзя снять с полки даже книгу, не рискуя вызвать его гнев. Принц сам придумывал себе законы: например, он позволял себе съесть пять оливок в день, не больше, а гостям, понятно, полагалось только три, а кто пытался слопать четвертую, получал от принца порицание, а если пятую, то мог быть отлучен от двора.

Порядок, заведенный принцем, был очень строг и даже бытовой мусор очень боялся принца и строго следовал его приказаниям складываться в пустые бумажные пакеты из-под молока, которые по мере заполнения принц самолично выносил, когда выходил из дома по своим королевским делам, тем самым он экономил время, то есть он шёл-то по делу, а заодно выносил и мусор, и ни в коем случае не тратил время только на то, чтобы вынести именно мусор, а то много чести, специально выносить мусор.

Дома у принца – чисто музей. Самым ценным, самым раритетным и самым романтическим экспонатом в коллекции принца была Горошина его пра-пра-пра-пра-пра-бабушки. Горошина хранилась с самым большим почётом на бархатной пурпурной подушке под хрустальным колпаком. Понятно, что прикасаться к горошине вообще никому не дозволено и за ослушание грозило строгое наказание вплоть до смертной казни. Так как горошина была семейной реликвией, передававшейся вообще-то по женской линии: он получил её от своей матери, которая умерла от горя, ну, вы помните. Когда принц женится и у него родится дочь, то по семейной традиции он передаст эту горошину дочери, как подтверждение её высокого происхождения и того, что не прервался и не прервётся славный род принца, и что вечная река жизни продолжает своё величественное течение. Принц-то конечно передаст, в этом нет никакого сомнения, но пока никому!

Была у принца знакомая принцесса. Глядя на неё на улице, редкий прохожий догадался бы, что это настоящая принцесса. Одевалась она скромно, лицо косметикой не пачкала, и волосы лаком тоже. То, что она происходила из королевской семьи далёкой Черногории, подтверждалось старинным дамасской стали кинжалом с серебряной рукоятью и деревян-

ными ножнами, обтянутыми чёрной, потраченной временем, кожей. И ножны, и рукоять кинжала были украшены серебряными накладками с замысловатым узором. Только принцесса не завела пока домашний музей и кинжал лежал где-то в королевской хрущобе принцессы поблизости от станции ВДНХ, что означает: выставка достижений народного хозяйства, сейчас же от народного хозяйства и тем паче от его достижений и помина не осталось.

Принцесса была скромная, послушная, она была очень сильно влюблена в принца и слушалась его беспрекословно. Он говорил: садись, она тут же бухалась на стул, он говорил ей: ложись – она даже не спрашивала, куда, а сразу ложилась, куда попало. Хоть на пол, хоть на диван, хоть на кровать. Когда она приходила к нему в гости, он ей всё время говорил: ничего не трогай, положи на место, как в сказках, там это часто встречается.

Корень всех бед на свете, это, конечно, любопытство. Не ходи в эту комнату, а потом в этой комнате обнаруживали трупы, не выходи за него замуж, а потом муж оказывался разбойником, не открывай крышку этого кувшина и не суй туда руку, а принцесса обязательно зайдет в запретную комнату, опустит в кувшин пальчик, и он сделается золотым и ведьма непременно увидит по этому золотому пальчику, что принцесса нарушила запрет и залезла в кувшин, хотя её как человека просили этого не делать.

Вот и наша принцесса, хотя её предупреждали по- хорошему, все-таки не послушалась, и не уберегла раритет – потеряла горошину. Вот как это случилось.

Однажды приходит принцесса к нему в гости – принц продемонстрировал ей свою семейную реликвию, в смысле – горошину и строго-настрого предупредил её, чтобы она ни в коем случае её не трогала, только в случае, если горошине будет грозить какая-либо опасность, ну, там пожар, землетрясение или что-то в этом роде, то ей позволено будет спасти горошину. А если опасности нет, то трогать никак нельзя. Ни-ни! Предупредил и пошёл на кухню – поставить чайник.

Ну, конечно, всенепременно принцесса, не сумев побороть любопытство, приподняла хрустальный колпак, чтобы получше рассмотреть драгоценную реликвию. Она поставила хрустальный колпак на письменный стол и аккуратно взяла горошину двумя пальчиками. В эту секунду из кухни раздался голос принца:

– Ты что будешь: чай или кофе? – громко спросил он.

Она от неожиданности так испугалась, что горошина выскочила у неё из рук и улетела прямо в открытую форточку и затерялась в окружающем пространстве. Он меня казнит, пронеслось в голове у принцессы. Песец, подумала она и приготовилась к смерти. Внезапно её осенило, была- не-была, подумала она, и крикнула:

– Вино! Я буду вино! – крикнула она, и этим спасла себе жизнь.

У принца в этот день не было вина, ведь у него дома не продуктовый магазин, правда? А ударить лицом в грязь принц не мог, поэтому, несмотря на позднее время, он пошёл за вином в ларёк около метро, который открыт двадцать пять часов в сутки. Принцесса поняла, что она спасена!

Как только за принцем захлопнулась дверь, она бегом бросилась на кухню и стала открывать подряд все шкафчики и коробочки в поисках гороха. Как всегда, нужная вещь находилась в самом последнем шкафчике. Пока принцесса искала горошину, она представляла свою казнь во всех возможных и невозможных вариантах: удушение в объятиях гоблина, утопление в молоке, танцы в раскаленных добела железных башмаках, в бочке, утыканной гвоздями остриями внутрь, ей привиделась она сама, разорванная пополам двумя Мерседесами, сброшенная с Останкинской башни и утопленная в отравленной реке Москве или всё это сразу. Но бог пожалел принцессу и она нашла горох в банке из-под муки, на которой написано «соль». Она подобрала подходящую, самую сухую и тёмную, сморщенную горошину, от пра-пра-пра-пра-пра-бабкиной не отличишь! и положила её на почетное место на бархатную подушку и закрыла хрустальным колпаком.

Отлично, всё как было! Он и не заметит! Он и не заметил. Но счастье принцессы длилось недолго. Она очень переживала, что потеряла реликвию, столь ценную для принца, она всё время помнила об этом и это её очень угнетало. Настроение у неё теперь часто было ни к чёрту, потому что она всё время помнила о горошине. Поэтому принцесса, которая не хотела умирать от стыда, а ей было до смерти стыдно, что она потеряла настоящую горошину и подменила раритет простой горошиной, даже не намекнув принцу, уехала в добровольную ссылку далеко-далеко от того места, где жил принц, и не сказала ему, куда она уезжает, чтобы у неё не было соблазна ждать, когда он всё-таки за ней приедет, а он и не знал, куда она уехала, и номера телефона она ему не оставила, и номера мобильного телефона тоже, и даже емейла тоже не оставила, такая была она гордая. А признаться, что она совершила такое преступление, у неё не хватило силы духа.

В ссылке, на другом конце Москвы никто не знал, что она принцесса, и она не стала это афишировать, и правильно, только неприятности от этих титулов, а так живи себе спокойно. Никакие волшебные силы простым людям обычно не грозят, только принцам и принцессам. Там, в ссылке она вышла замуж, родила сына 1990 года рождения и дочку, 1995 года рождения, и жила спокойно и счастливо, не вспоминая принца, тридцать лет и три года, образно говоря. В 2010 году у принцессы появилась внучка от старшего сына, и сейчас ей уже три годика, она всё знала и всех строгим голосом учила жизни, как говорится, устами младенца глаголет, эта, как её, истина!

Хотя принцесса никому не рассказывала о своём происхождении и все думали, что она простая женщина, в отличие от неё, внучка, трёх лет от роду, вела себя как настоящая принцесса. Капризничала, спорила со взрослыми, никогда не делала то, о чём её просили, а делала всё то, о чём не просили и даже строго-настрого запрещали: кричала, грубила, топала ногами, каталась по полу, обижала бабушку-принцессу и принципиально никого не слушала, в общем, вела себя как самая настоящая принцесса голубых кровей.

Вот что значит королевская кровь – сразу видно принцессу! Старшая принцесса даже волновалась, как бы её маленькая внучка не была заколдована.

Старшая, которая совсем не была похожа на принцессу, всё это время ничего не знала и даже не слышала о Принце-на-горошине, кроме того, что она могла нарыть в интернете, а нарыть там можно достаточно, пока в один прекрасный день она не получила большую посылку ЕМС.

Это только в сказке можно сказать «получила посылку». Принцесса знала, что на самом деле «Почта России» – это отделение ада на земле, где грешники подвергаются вечным непереносимым мучениям: они приговорены разыскивать свои пропавшие посылки. Те, кто был наказан за какие-то страшные грехи и принял такое ужасное наказание, знают, какие это мученические муки.

Но принцессе повезло, никаких особенных преступлений небесной канцелярией за ней замечено не было, и она без проблем получила свою посылку. Там оказалась знакомая ей бархатная подушка, хрустальный колпак и большой свёрток, в котором, как сразу догадалась принцесса, была горошина, которую она собственноручно положила вместо улетевшей на улицу в неизвестном направлении.

Принцесса пока не стала её разворачивать и отнесла домой. Значит, он всё-таки узнал её адрес. Получив такую посылку, бабушка-принцесса поняла, что если даже принц женился, то, по всей вероятности, у него родились сыновья, а у них тоже сыновья, и у них тоже сыновья, стоп-стоп, хватит, хоть принц и старше принцессы, но не столько же – не на два поколения. И некому передать семейную реликвию и поскольку он даже через тридцать лет, образно говоря, и три года, помнил скромную принцессу с черноморскими корнями, то решил передать на ответственное хранение ценную горошину именно ей. Принцессе даже

сейчас было очень стыдно, что она подменила тогда настоящую горошину на обычную да так и не призналась за все эти, образно говоря, тридцать лет и три года, но признаться сейчас она уже никак не могла, теперь уже надо держать марку, чтобы не огорчить принца известием, что горошина не настоящая.

Бабушка-принцесса притащила домой посылку с горошиной и конечно к ней тут же пристала внучка, крича по обыкновению звонким голосом: бабушка! Ну никакого этикета, подумала старшая из принцесс и ласково спросила: что, моя принцесса?

– Что это, бабушка? Что это такое?

Бабушка сказала ей:

– Это, дорогая моя, исторический артефакт – горошина, которая была индикатором подлинности королевского достоинства и титула одной из очень знатных европейских принцесс.

По своему обыкновению, когда маленькая принцесса чего-либо не понимала, то она опять спрашивала то же самое:

– А что это, бабушка?

– Это горошина, милая. Поняла?

– Поняла.

– Эту горошину положили под двенадцать перин одной принцессе.

– Зачем? – спросила маленькая, наморщив те места, где положено быть бровям.

– А чтобы проверить, настоящая принцесса или нет.

Кажется она мне не поверила, подумала бабушка-принцесса. Да я бы и сама не поверила. И правда, зачем под перины подкладывать горошину для проверки подлинности титула?

Очень недоверчиво посмотрев на бабушку, маленькая продолжила:

– Проверки чего?

– Ну, понимаешь, проверяли так: на самом деле она принцесса или нет?

– И причём тут горошина? – резонно спросила маленькая.

– Видишь ли, у принцесс такая нежная кожа, что даже через двенадцать перин настоящая принцесса почувствует горошину и у неё утром вся спина и попа будут в синяках, люди увидят и поймут, что она настоящая принцесса. Маленькая спросила у большой голосом, по которому сразу было ясно, что маленькая только что убедилась в беспросветной глупости бабушки:

– Ну и как они смогут увидеть её спину и попу?

– Ты права! – сказала бабушка.

Последняя попытка:

– Понимаешь, горошину принцессе подложила сама королева, и утром королева прикажет принцессе показать ей попу, – сказала бабушка-принцесса.

– Ну, если только прикажет, – протянула маленькая.

Тогда королева по синякам поймет, что кожа у принцессы такая нежная, какая должна быть у настоящей принцессы, значит она и есть самая настоящая принцесса. Уф!

Тут бабушка-принцесса, чтобы не сойти с ума, пошла готовить ужин и забыла о разговоре с маленькой принцессой. Вечер прошёл на удивление спокойно. Маленькую принцессу было практически не видно. Вся королевская семья радовалась, что во дворце такая тишина и благолепие и боялись потревожить маленькую принцессу в её покоях. И радовались, что она так мирно играет, что её почти не слышно, и что она дала взрослым немного отдохнуть. Когда бабушка-принцесса зашла в покои маленькой, она увидела, что та уже спит на куче подушек. Старшая подняла на руки расслабленное тельце и положила на кровать, осторожно передела в пижамку, перекладывая невесомое ручки и ножки, поцеловала выпуклый, как у бычка, лоб и закрыла королевским фланелевым одеялом.

Потом бабушка начала разбирать гору подушек и кукольных одеял. Под самым нижним, а всего шесть «перин», потому что дальше маленькая считать пока не умела, обнаружилась горошина.

Всё-таки она настоящая принцесса, улыбнулась бабушка и, чтобы в этом убедиться, никакие горошины нам не нужны!

9.06.13

Три апельсина

В одном большом пыльном и душном городе под названием Москва, наравне с простыми людьми жили принцы и принцессы. Они женились и выходили замуж не только друг за друга, но и за простых людей, они перемешались с местным населением, и с первого взгляда трудно понять, кто перед вами. В этом городе жил и тот принц, о котором мы хотели рассказать любезному читателю. Принцев в городе пруд пруди, а полукровок ещё больше. Особенно на юго-востоке города, несмотря на то, что там была совсем плохая экологическая обстановка, обусловленная господством северо-западных ветров. В этой провинции жили многие известные особы, например, Принц-на-горошине, очень достойный господин, его очень уважали горожане, потому что по нему они приладились сверять свои часы. Они переводили стрелки своих часов по педантичному принцу. Он выходил из дому ровно в двенадцать часов и ушлые горожане, собравшиеся у его подъезда, сразу переводили стрелки на двенадцать, от этого и пошло известное выражение «перевести стрелки», потому что дотошный принц всегда точно выходил из дому и этим очень помогал неорганизованным городским ротозеям.

Плотность расселения принцев в этой замечательной провинции была так высока, что по соседству с Принцем-на-горошине жил и принц, о котором пойдет речь в нашем повествовании. И дом принца и дома вокруг построены из камня, потолки в них высокие, стены толстые и крепкие: строили их пленные солдаты побеждённой армии. Они с каждым камнем замуровывали в стены свою тоску по родине, горечь поражения и погибшие надежды. Поэтому стены домов были больше похожи на стены темниц или гробниц, и все, кто жили потом в этих домах, тоже чувствовали необъяснимую тоску и грусть, и когда люди в этих домах писали картины, то выходили у них иконы, с которых печальными глазами смотрели давно ушедшие люди и никто не смел повесить в своих домах эти картины; когда писали музыку, то вместо польки получался траурный марш, и все, кто слушал эти песни, начинали плакать навзрыд и не могли остановиться. Если в таком доме поселялся писатель, то, что бы он ни писал, всё выходило грустным. Писал он сказку, получалась грустная сказка, писал он повесть – получался панегирик, писал роман, то сам плакал так, что слёзы заливали тетради и он не мог писать дальше – по мокрому, и получался слезливый роман; если писал стихи, то они получались такими печальными, что никто не мог прочесть дальше первого четверостишия, потому что на втором начинал так рыдать, что попытайся он прочесть всё-таки дальше, то никто ничего бы не понял из-за душивших поэта рыданий.

Окна в домах тоже высокие.

А вокруг разрослись апельсиновые деревья так, что почти совсем скрыли дом Принца. Высокие апельсиновые деревья чувствовали малейшее дуновение ветра. Вы скажете, что это чепуха и что в Москве апельсиновые деревья вообще не растут! А если бы благодаря какой-либо климатической аномалии и росли, то листики у апельсиновых деревьев плотные, кожистые, и на ветер им решительно наплевать, то вы будете не правы.

Это были необыкновенные апельсиновые деревья. Во-первых, они появились в одну ночь, и не маленькими хрупкими ростками, а сразу высокими деревьями, и шумели так, будто говорят с Вами, будто что-то тревожно и настойчиво шепчут, а во-вторых, листья у них были не плотными, как у обыкновенных апельсиновых деревьев, а мягкими, как нежные ручки молоденьких девушек. Но в остальном эти апельсиновые деревья такие же, как остальные: цвели, как положено, два раза в год, весной и осенью, цветы у них, как и положено, благоухали так, что можно влюбиться в цветущее апельсиновое дерево раз и на всю жизнь.

Когда они цвели, то в Москве количество свадеб уменьшалось ровно в два раза, потому что все невесты города, ведомые каким то шестым или даже скорее двенадцатым чувством, превращались в золотых пчёл и прилетали в эту апельсиновую рощу на запах флёр-д-оранжа, устраивались в душистых цветах и спали всю ночь напролёт, забыв о свадебных хлопотах; днём летали пчёлами и опыляли апельсиновые цветы, собирая нектар. Некоторые невесты так привыкали, что не хотели возвращаться домой и так и жили насекомыми в апельсиновых цветах.

Половина всех прилетевших, очнувшись от сладкого дурмана, внезапно просыпались среди ночи, и от этого падали вниз и на лету превращались в девушек. Они оказывались на земле совсем без одежды, и если прознавшие о волшебстве женихи терпеливо ждали, когда их невесты упадут, и сидели с их платьями наготове под апельсиновыми деревьями, то невесты одевались и чинно удалялись вместе с женихами домой, выходили за них замуж и жили с ними долго и счастливо. Если женихам было наплевать на своих невест и они не ждали их и не приносили им одежду, то девушки так и оставались пчёлами, но не расстраивались: болтали между собой на пчелином языке, непонятном людям, были счастливы как никогда и ни под каким буквально видом не хотели вновь становиться людьми.

Они собирали особенный мёд. Прозрачный светлооранжевый мёд, запах апельсина был он него как живой, а вкус! Мёд обволакивал язык, поднимался и плыл по небу, скользил, бил в нос и попадал прямой дорожкой прямо в мозг. Каждому, кто его пригубил, он напоминал поцелуй с любимым: он кружил голову, словно все ваши мечты, даже погибшие, вновь оживали и пускались в пляс рука об руку с воскресшими надеждами. Они начинали писать хорошие стихи, сочинять чудную музыку, писать настоящие картины, и т. д. и т. п., простым людям вообще его пробовать нельзя, не потому, что не положено по чину, а потому, что люди сходили с ума, пригубив этого мёда, у них отнимался язык, они теряли голову, память и здравый смысл, в ушах звучала музыка богов, и если принцы и принцессы могли ещё вынести без особенного вреда здоровью божественную музыку, то простые смертные катались от боли по полу и часто после этого становились глухими или даже погибали. Если они не погибали, то наносили тяжкий вред своему здоровью, просто попробовав этот волшебный мёд, страдая после этого головокружениями и мигренями.

Полукровки не умирали, но долго не могли придти в себя, раздираемые противоречивыми чувствами: им одновременно хотелось и плакать и смеяться, кричать от горя и петь от счастья. И только чистокровные принцы и принцессы могли вкушать этот мёд, не опасаясь последствий.

В этой-то апельсиновой роще и жил по соседству с его другом, Принцем-на-горошине, тот принц, о котором пойдет речь. Жил он на самом верху в одной из двух башен на крыше дома. Башня была двенадцатиугольной и имела соответственно двенадцать окон. Принц не оставлял шторы на всех окнах открытыми, оставлял обычно два, иногда три окна, чтобы чувствовать себя защищенным. Иногда вечером он гасил у себя в башне свет, и тогда смело отодвигал все шторы и тогда во все двенадцать окон сразу глядели и шелестели апельсиновые деревья, их цветы и плоды не давали принцу покоя. Он всё время чувствовал неясное влечение.

Однажды вечером он увидел, что мимо его окон летит живая золотая сеть, а в самом центре золотого трепещущего облака находится огромная пчела – матка, понял принц. Если простой человек увидел бы то же, что узрел наш принц, то он ничего бы не понял, а подумал, что это вечерний ветер слишком сильно дохнул на апельсиновые деревья и сорвал лепестки цветов и несет теперь их неизвестно куда. Принц переходил от одного окна к другому, не упуская пчёл из виду, благодаря своим двенадцати окнам.

Королева пчёл, окруженная золотым мерцающим облаком, опустилась на апельсиновое дерево прямо перед его южным окном на расстоянии примерно пяти метров. Вероятно там её покои, подумал принц.

Он решил завтра при свете дня забраться на это дерево и посмотреть на её золотой улей. Как только рассвело, он, ловко как обезьяна, забрался на дерево, в кроне которого вчера вечером скрылась Королева пчёл. Появление его глаза в шестиугольном окне маленького, с почтовую коробку, замка-улья Королевы пчёл произвело эффект разорвавшейся бомбы. Засуетились все рабочие пчелы, бывшие когда-то невестами, и появилась, скрывая тревогу, Королева пчёл. Он сунул голову в улей, королева приветствовала его и угостила волшебным мёдом, помогла ему удержаться на дереве, чтобы он не свалился, и, так как он был прирождённым принцем, мёд не причинил ему вреда, но поверг его в эйфорию, вызвав прилив творческих сил. Принц хотел было, получив в подарок баночку мёда, уже бежать в свою башню, чтобы писать нежные свои сказки и петь печальные песни под гитару, но Королева пчёл остановила его повелительным окриком, ведь после того, как принц принял волшебного мёда, он без труда понимал, что она ему говорит.

– Дорогой, – сказала она, – так невежливо оставлять Королеву, – она, как и все королевы, говорила о себе в третьем лице единственного числа или в первом – множественного, – Мы должны обезопасить себя. Вы проникли без нашего позволения в Наш улей-замок и раскрыли Нашу тайну. Никто из смертных и даже принцев и полукровок не должен знать, что Наш замок находится в этой апельсиновой роще в районе станции метро «Текстильщики» между открытой веткой метро и железной дорогой. Поэтому Мы вынуждены или убить Вас, или отнять память – не бойтесь, это безболезненно и даже очень приятно, или превратить в шмеля, чтобы Вы ни в коем случае не рассказали кому-либо из смертных, принцев и принцесс или полукровок о Нашем существовании. Мы прежде всего заботимся о смертных, которые по своей алчности, но не Нам их судить, и по своей глупости могут причинить вред себе путём приёма внутрь Нашего волшебного мёда. Надеюсь, что Ваша смерть не понадобится, и я подарю Вам ещё одну баночку моего королевского мёда, Вам как принцу он не причинит вреда, но вызовет прилив творческих сил, если Вы безусловно и беспрекословно выполните своё обещание никогда и никому не рассказывать о Нашем существовании и дислокации. Пристыжённый, смущенный и растроганный добротой Королевы пчёл Принц, положив руку на баночку с волшебным мёдом, как на библию, поклялся никогда никому не рассказывать о ней, не о баночке, а о Королеве, да и о баночке в общем, тоже.

Шевельнув крыльями, она отдала приказ своим подданным, чтобы они доставили ветку с тремя апельсиновыми плодами.

– Это ещё один подарок для Вас, принц, только не открывайте апельсины, пока Вы не будете к этому готовы, – сказала она, – если Вы откроете апельсины раньше времени, то вместо счастья будет горе, – сказала она загадочно.

Принц, потерявший голову от прилива творческих сил, не помня себя, спустился с дерева очень быстро, практически упал, и стремительно поднялся к себе, в башню. На волне творческого порыва он написал десять сказок, две научно-популярные статьи и десять томов мемуаров. Под воздействием волшебного мёда сказки искрились мягким юмором, научные статьи были похожи на приключенческие романы, а мемуары были интереснее и познавательнее пьес Шекспира. Он спрятал подарки Королевы пчёл в шкаф и забыл про них, забыл и её напутственные слова, чтобы он открыл апельсин, когда будет к этому готов.

У принца было много знакомых принцесс и они часто приходили к нему в гости в башню в апельсиновой роще. Апельсиновые деревья росли и росли и их тени так плясали на асфальте, что каждая принцесса, которая приходила в гости к принцу, была околдована этими тенями и хотела она или не хотела, а, придя хотя бы один раз, потом всегда чувство-

вала, что её сердце покинуло грудную клетку и осталось в кронах апельсиновых деревьев, и что ей надо, непременно надо пройти по этим играющим, резным, живым кружевным теням ещё раз, потом ещё раз, пока она не превращалась в пчелу и не пополняла бесчисленную армию Королевы.

А принц удивлялся, почему это все его знакомые принцессы, которые имели счастье влюбиться в него, никогда не продолжали с ним знакомство более полугода? он же не знал, что они все, забыв о нём, летают, счастливые, мимо его окон в свите Королевы пчёл.

Принцессы все кончились, принц заскучал, но тут он вспомнил о подарке Королевы и подумал, что уже готов открыть апельсин. Он хорошо помнил сказку «три апельсина»: из апельсина появлялась прекрасная девушка, и, попросив пить, тут же умирала, потому что нетерпеливый принц из сказки открыл два первых апельсина не у воды, как было рекомендовано, а по пути к оазису, прямо в пустыне.

Помня об ошибках этого лоха из сказки, наш принц, на его взгляд, подготовился к появлению апельсиновой красавицы на все сто процентов. Он поставил стакан воды на стол и очистил первый апельсин. Появилась прекрасная девушка ростом около десяти дюймов, голенькая и прехорошенькая. Она стала быстро расти, пока не стала принцу по плечо. Всякий, кто посмотрел на неё, невольно улыбнулся бы, залюбовавшись на прелестный носик, гордо смотрящий в небо, большие смеющиеся глаза цвета вечернего облака, густые волнистые волосы, кончики которых закрывали место, где спина кончается и начинаются стройные прямые ножки.

Она огляделась и сразу попросила пить. Он возликовал: Я знал! Принц подал ей стакан воды, но только она успела взять стакан в руки, как глаза её закатились и она начала увядать у него на глазах. Перепуганный принц побежал к телефону, чтобы вызвать скорую. Он пробил вызов и вернулся в комнату, но там никого не оказалось.

В комнате стоял свежий запах апельсина, а на столе лежали апельсиновые корки. Показалось, решил он и выдохнул с огромным облегчением. Не надо есть на ночь так много сладкого, а то всякая ерунда начинает мерещиться. Пару часов принц метался между лёгким, а вдруг не показалось? чувством вины и чувством радости, что это всё ему привиделось. От потрясения он даже забыл, что он с лёгкостью может проверить, так ли это на самом деле. Ведь апельсины спрятаны у него в надёжном месте. Когда он открыл заветную дверцу, то не поверил своим глазам: апельсинов было два. Привыкнуть к этой мысли трудно. Неприятно ощущать себя убийцей. Невольным убийцей. Преступником. Добросовестным, честным преступником.

Осталось ещё два апельсина. На этот раз он готовился очень тщательно. Он поставил на стол кувшин с водой, сразу заранее наполнил стакан, там же на столе он поставил большой таз с водой, коротко вздохнул и быстро, чтобы не потерять ни секунды драгоценного времени, быстрыми и точными движениями очистил апельсин. Как только девушка появилась, он тут же, не разглядывая, какая она прелестная, посадил её в тёплую воду, сунул ей в руки стакан с водой и проследил, чтобы она выпила его до дна. Она сидела в тазу свежая, с капельками воды на коже, и улыбалась. Она была прекраснее первой. Запястья и щиколотки тоньше, глаза ярче, волосы длиннее, а кожа нежнее — он никогда не видел такой сияющей кожи! Принц выдохнул и, посадив апельсиновую девушку на диван, вышел на кухню выпить валерианки, потому что он сильно переволновался.

Когда он через десять минут вернулся в комнату, то опять обнаружил на столе апельсиновые корки, едкий запах цитрусовых, разлитую воду, мокрую простыню на диване — и всё. Её не было. Она исчезла без следа, как и первая. Сейчас он не так сильно испугался, но ему стало не по себе.

Он уже истратил два апельсина. Остался один. Тут надо подумать, прежде чем открывать последний. Что же он не учёл, почему при соблюдении всех условий, у него ничего не

получилось. Он методично анализировал свои действия в первый и второй раз. Во второй раз девушка прожила немного дольше, чем первая. В чём разница? Вода была и там, и там. В чём секрет? И тут его осенило: они умерли или исчезли, когда остались одни: в первый раз он вышел к телефону, а второй – в кухню, принять валерианку. Он их покинул. В самый ответственный момент его не было рядом, и они погибли. Воды было вдоволь. Напиться – не проблема. Значит, их жажда была не физическая, а чувственная. Напиться они должны были не водой, как он примитивно предполагал, а его чувствами, его любовью, его нежностью и вниманием. Именно об этом сказала ему Королева пчёл: открой апельсины, когда будешь готов. А он своими руками, будем говорить прямо, испортил два апельсина. Это было так наглядно, что он испугался, что не только эти два апельсина загублены им легко и бездумно, но и все принцессы, которые были в него влюблены и потом исчезли из его жизни без следа, тоже погибли оттого, что он был не готов жить для них, жить с ними, отказаться от своего горько-сладкого одиночества – друга размышлений и его драгоценного писательского дара, и не был готов принять женщину как равного партнёра и свою половину.

Итак, весь вопрос в том, готов он или не готов? Открывать последний апельсин, или оставить, пока не придет уверенность, что он не загубит нежную, такую ранимую апельсиновую девушку. Он долго не мог решиться открыть последний апельсин. Прошло целых три дня, прежде чем он решил, что пора сделать такой важный шаг. На всякий случай он, как и раньше, приготовил и кувшин, и стакан, и таз с тёплой водой, ведь сработало же раньше! Он даже добавил в стакан воды чайную ложку апельсинового мёда, подаренного Королевой пчёл – хуже не будет! и сам от волнения хватил глоток волшебного мёда. Сбегал в туалет, чтобы уж не покидать новую девушку.

Буду носить её на руках, чтобы не разлучаться, решил он. С бьющимся сердцем он очистил апельсин, тут же посадил её в приготовленный таз с тёплой водой, сам локтем проверял – тёплая, схватил за крошечные ручки и, не отрывая глаз, ждал, пока она не перестала расти. Тут же дал ей воды с мёдом, проследил, чтобы она всё выпила, заставил её посидеть в воде ещё минут десять и, завернув в простыню, посадил на колени и обнял.

Она прижалась к нему всем телом, иногда она ворочалась, как во сне, пытаясь найти положение, при котором она наиболее близко с ним соприкасалась. Прошло два часа. Она была жива. Он испытывал такую нежность и такую радость от того, что она жива, что боялся пошевелиться. Потом, осмелев, он лёг, не открывая глаз, она прилепилась к нему, закутала его волосами, а он положил её головку на своё сердце. Она мерно и тихо дышала, похоже, спала. Он же всю ночь не сомкнул глаз.

Утром ему пришлось отнести её в туалет и научить пользоваться унитазом, раковиной и ванной, сложнее всего было с колонкой, не так-то просто апельсиновой принцессе освоить сложное искусство включать газовую колонку, это подвластно лишь простым смертным! В первый раз, когда она принимала душ, ему пришлось стоять рядом и регулировать температуру воды. Как только он вышел из ванной, она тут же начала звать его, не справилась со шлангом, залила водой пол и выскочила вся заплаканная и дрожащая.

Первые дни он почти всё время носил её на руках, потом она ходила за ним по пятам и стояла у двери, когда он занимал туалет. Мыться они после того, как она залила пол в ванной, стали вместе. Когда он работал, она сидела рядом и гладила его роскошные волосы. Но постепенно она набирала силу и на исходе первой недели он уже смог выйти на работу. Она ждала его весь день, сидя у дверей. Когда он уходил, она была веселой и румяной, а когда возвращался, то щёки её были бледны и глаза заплаканы.

Пока ей не удавалось стать полноценным человеком. Сначала принцу нравилось, что она буквально не может без него жить, а потом стало тяготить. Она старалась, она очень старалась. Она быстро выучилась читать и писать и пристрастилась к книгам: стала читать целыми днями напролёт. Она прочитала всё, что могла достать, встав на стул, но полки такие

высокие, что, даже стоя на стуле и вытянув руку вверх, она могла достать только до половины книжных полок. Она освоила интернет и выискала всё, что могла, о принце и его семье. Он очень неохотно рассказывал ей о своих родных. Он был очень похож на отца, просто одно лицо, и, как многие сыновья, он очень любил его, но всё время сравнивал себя с ним и выходило, что отец смелее, интереснее, красивее, чем он, и в сердце его змеёй вползала зависть к отцу, хотя принц и сам не понимал, что так его задевает, тем более, что ни доказать что-то отцу, ни превзойти его, по причине того, что отца уже давно не было на свете, он не мог, а обида на него осталась.

Её интересовало всё, что имело хоть какое-то отношение к принцу. Он же посоветовал ей попробовать выходить на улицу и она с большим трудом сначала на несколько шагов, а потом всё дальше, стала отходить от его дома. Он нашёл для неё шёлковое платье своей матушки: синее в мелкий горошек, и оно очень шло к её тёмным волосам и синим глазам. Отыскались и туфли, очень удобные, на среднем каблук и плащ с поясом. Прогулки ей очень помогали. Она разговаривала с апельсиновыми деревьями. Она шагала под их кронами, под их защитой и колдовские апельсиновые деревья рисовали ей тени под ногами письма с предупреждением, чтобы она была очень осторожна с принцем и берегла своё сердце; деревья даже просили её, чтобы она отдала им своё сердце на ответственное хранение.

Она не слушала советов апельсиновых деревьев, не верила им, но всё же она знала, что многие влюблённые принцессы вообще исчезли в неизвестном измерении. Запахнув потуже плащ, она возвращалась к дому принца, стуча каблуками фламенко, танец любви и страданий, и не обращала внимания на игру теней апельсиновых листьев... Но, как она ни пыталась закрыть на тревогу глаза, принцесса чувствовала подступающую, как прилив, грусть.

Апельсиновая девушка, вынужденная жить в постоянной зависимости от принца, в доме, построенном из печали и тоски пленных, стала тосковать. Она так расстраивалась, что почти всё время была на взводе, готовая разреветься по любому поводу. Если он что-то говорил ей, то она слышала совсем не то, что он говорил.

Например, он говорил, «сегодня тёплый вечер», а она слышала: «сегодня сильный ветер». Если он говорил: «уже время позднее, иди спать, дорогая», она слышала: «твое время кончилось, не плачь, улетаю». Из-за того, что она слышала совсем не то, что он говорил, получалось много непонимания и это непонимание так её мучило, что она совсем заболела, силы покинули её и она почти умерла. Принц же не понимал, что её так угнетает и не знал, что с ней делать. Ему было неприятно видеть апельсиновую девушку в таком состоянии, кому же приятно видеть свою жертву? Поэтому он предпочитал вообще её не замечать, чтобы её грустные глаза не делали ему больно. Он, чтобы побережь своё сердце, отворачивался от неё, а она от этого так страдала, что однажды решила, что больше не может так жить, и что если он ещё раз от неё отвернётся, её сердце не выдержит и она умрёт на этом самом месте.

Апельсиновая принцесса была в полной растерянности: только что она была уверена, что он её любит и никогда не покинет, он даже говорил ей: Ты меня разлюбишь, а я, – говорил он, – любил, люблю и буду тебя любить, а это как раз то, что принцесса хотела слышать и голова её кружилась от любви и желания. А через секунду он мог сказать: не надо сейчас меня обнимать, если хочешь кого-то обнять, вон возьми плюшевого мишку, там, на диване. А когда она говорила, как она его любит и как он дорог ей, и что она никогда не покинет его, как говорят все влюблённые девушки, он мог сказать ей: всё, что ты говоришь, я в своей жизни слышал тысячу раз и не хочу слышать эти слова от тебя. Ей в такие минуты казалось, что он вынимает из неё душу. А однажды он ни с того ни с сего спросил её, совсем как муж-король сказал Гризельде, она только что прочитала эту сказку, а ты могла бы поухаживать за мной, если бы я встретился с другой женщиной, а ты накрыла бы для нас стол, постелила бы постель? Она ничего не ответила, и ей стало так больно, что она потеряла дар речи.

Она надела плащ и ушла. Время позднее и идти ей некуда, ведь у неё не было дома, а в апельсин обратно не залезешь.

Она шла от дома принца: каждый шаг давался ей с большим трудом, и колдовские тени апельсиновых деревьев обнимали её за плечи. Темнело, таял летний вечер, солнце уже село, было ещё светло, но и достаточно темно, чтобы особо нетерпеливые уже зажигали в своих комнатах электрический свет. Она шла по улице и видела в окне, как под люстрой за круглым столом сидели старик со старухой и пили чай, смотря друг другу в глаза. В другом окне она видела, как в спальне, где горел ночник: маленький тёплый огонёк согревал девичьи руки, какая-то девушка сняла халат и осталась в комбинации, которая шёлковым объятием рисовала тонкую гибкую талию и нежную подрагивающую грудь; вошёл мужчина, обнял её, и свет погас.

Сердце одинокой апельсиновой принцессы сжалось от предчувствия беды и неизбежности несчастья. Но она только припустила быстрее. Небо потемнело ещё больше. Всё вокруг стало таинственным и тревожным. Теперь не только деревья, но и вечерние облака с фиолетовым верхом и розовой подкладкой тоже говорили ей, чтобы она была очень осторожна и не давала принцу в руки своё сердце, чтобы он его не разбил.

Она шла всё дальше. Несколько дней назад она не смогла бы отойти от дома принца так далеко. С каждым шагом крепла её уверенность, что она обязательно станет человеком. Не апельсиновой принцессой, а человеком! Она найдет работу, поселится в общежитии, получит паспорт, будет работать и учиться. И может быть, когда-нибудь вернётся в этот дом, в башню принца – когда не будет ни от кого зависеть. У неё всё получится!

Налетел тёплый весенний ветер и толкнул её в спину. Она не обратила на него никакого внимания. Ветер отстал и принялся за апельсиновые деревья. Стряхнул все цветы ей под ноги. Шаг за шагом она удалялась от башни принца всё дальше и дальше.

Принц прислушался и оторвался от своей рукописи, от грустных сказок, которые рождались в этих стенах, пропитанных тоской по родине и скорбью военнопленных, которые давно, семьдесят лет назад построили этот дом с башней на крыше.

Был поздний вечер. Принц был в башне один. Я знал, что так будет, с горьким удовлетворением подумал он. Ему стало привычно и легко. Он выпил чаю с волшебным мёдом, перевернул страницу и начал сочинять следующую сказку.

Свежо, остро и печально пахло апельсинами.

10.06.13

Спящая красавица

Да смотрит Господь за мной и тобой, когда мы в разлуке друг с другом.

Г. Доре. «Спящая красавица»

В том же огромном, суетливом и лишённом памяти городе под названием, как его, Москва, где жили Принц-на-горошине и Прекрасный принц, там где ещё жил их приятель, который чуть не загубил третий апельсин, а девушка ушла и он долго не знал, жива ли она

вообще, жила ещё Спящая красавица, только она сама ещё пока не знала об этой своей особенности. Никогда не знаешь, на что ты способен, пока судьба не столкнёт с этим в жизни: думаешь, что ты принц благородный и смелый, а по жизни оказывается, что ты трус и предатель. Да, никогда не можешь предположить, кто ты на самом деле, пока не попадёшь в ситуацию, которая тебя просветит насквозь, вывернет наизнанку и сунет под нос красноречивые доказательства твоей сущности.

Вот и Спящая красавица жила себе спокойно, училась в Университете геодезии и картографии, сдавала почти все предметы на экзаменах на отлично и очень расстраивалась, когда получала четвёрки, что бывало конечно, редко, но бывало. Особенно по геодезии, так уж ей не хотелось признавать, что геодезию она знала не на отлично.

Кабинет геодезии был как раз для Спящей красавицы, которая пока ещё не знала, что она спящая – кабинет что-то говорил ей, чего она тоже пока расшифровать не могла. Там стояли огромные двухсотлетние шкафы с застеклёнными полками, уставленными старинными и не очень, это была большая коллекция, теодолитами, нивелирами: латунными, медными, которые своей грацией и важностью старинных вещей напрочь побивали в соревновании по красоте современные приборы. Столы в кабинете геодезии огромные, из толстенных досок, старые, массивные, такие, что наша Спящая красавица, приходя в этот кабинет, чувствовала необъяснимое волнение узнавания того, чего не было, то есть испытывала сильные приступы дежавю.

Спящая красавица ещё не знала, что она спящая, потому что судьба ещё не предоставила ей случая в этом убедиться со всей очевидностью. Она продолжала учиться и её как ответственного и совестливого человека выбрали секретарём комсомольской организации картографического факультета. Над ней ещё в школе смеялись одноклассники, кстати, в школе её выбрали секретарём комсомольской организации, как и позже, в институте, и по тем же самым причинам: совесть и ответственность, смеялись потому, что когда она вела комсомольские собрания, она через слово говорила: спасибо за выступление, через другое слово: пожалуйста, будьте так любезны, благодарю вас, и так далее. В результате остальные комсомольцы, не привыкшие к таким вежливым и церемонным словам, от обилия этих слов ничего не понимали и собрания проходили успешно, если только её заместитель, простая девушка со взрослым лицом и полным отсутствием церемонности, столь присущей Спящей красавице, что в будущем и разрушило семью этой простой девушки, не брала в свои сильные руки ведение собрания. Вот как надо, – говорила эта девушка после собрания Спящей красавице, – а ты всё рассусоливаешь!

Спящей красавице, которая пока этого не понимала, ну, что она спящая, приходилось как-то притворяться, что она такая же, как остальные. Она научилась говорить о том, где достать модные сапоги или батник, сначала, когда она в институте слышала такие разговоры, ей казалось, что девушки притворяются, что это им интересно, потому что она и представить не могла, что можно этим всерьёз интересоваться, потому что в школе, где она дружила с ещё пятью девочками, в их компании разговоры о тряпках считались слишком пустяжными, чтобы тратить на них время.

Спящая красавица конечно была очень симпатичная, лицо чистое, овальной формы, как яйцо, глаза ясные, губки пухлые и нежные с круто изогнутой по форме лука Купидона формой, как у Давида Микеланджело, правильные, только ещё более привлекательные, потому что девичьи. Носик небольшой – не римский, русский такой, симпатичный, чуть вздёрнутый носик. Сама она была строгих правил, даже слишком, что и привело к её долгому сну во всех областях жизни. Некоторые принцы, полукровки и простолюдины предпринимали, конечно, попытки разбудить её, но ни у кого пока не получалось.

Один юноша ещё в школе пробовал её разбудить поцелуем, но она хоть и считалась его девушкой и провожала даже его в армию в десантные войска, и делала с его мамой и сестрой на проводах салат оливье, где обнаружились непримиримые противоречия вроде того, что как говорила его мама, надо резать в салат ингредиенты очень мелко, вроде как по размерам горошины, чтобы всё было одинаково мелко, то у спящей красавицы в семье мама делала по-другому и приучила её резать так, чтобы наилучшим образом в зависимости от размера открывались вкус и особенности каждого ингредиента. Например, огурчик солёный надо резать несколько крупнее, чтобы при раскусывании он был оптимально сочным и его сочность, как неотъемлемое его свойство, как имя и фамилия: имя – Огурчик, фамилия – Солёный, наиболее ярко выражалась. Эти противоречия, впрочем, не сыграли особой роли, потому что от поцелуев этого юноши Спящая красавица так и не проснулась. После застолья Спящая красавица провела остаток ночи дома у юноши, где они в тесноте и полусне дремали на его узкой кровати, не раздеваясь, и безо всякого интимного контакта, кроме поцелуев.

Не проснулась Спящая красавица даже тогда, когда она на четвертом курсе вышла замуж. Также во сне она родила двух мальчиков с разницей в четыре года. Мальчики прехорошенькие, такие, что, когда она на санках зимой везла их с прогулки домой, старшего и младшего в одних санках, щекастых, румяных, ясно-сероглазых, то даже незнакомые прохожие, не сдержав улыбки, говорили: какие красивые, побольше бы таких. Мальчики в детстве были так похожи, что когда смотрели фото, то если на фото был кто-то один из них, то даже она и её муж сомневались, кто из детей изображен, и сразу различали, только когда их было двое, старший – Арсений, младший – Полиодор.

Так и жила она во сне, не просыпаясь, вполне счастливо, пока ей не исполнилось двадцать восемь лет. Спящая красавица так и не знала пока, что она спящая, а думала, что она просто правильная и поэтому с ней ничего особенного не происходит. Работать она устроилась сразу после института, в ПКО Картография, картографом, на работе ювелирной, точной, скрупулёзной, от слова скрупул, что означает в переводе с умершего латинского используемого сейчас только в высоких научных кругах, да ещё и в алхимии, латинского языка, зерно, если вы потеряли нить, то повторю: скрупул – означает зерно. Зерно истины. Зерно здравого смысла, драгоценное зерно, так сказать, найти зерно.

Работа как раз ей очень подходила. Чисто, тихо, спокойно: скреби пёрышком тушью на ватмане ручного отлива с водяными знаками гидрографию, речную сеть то есть, пунсоны кронциркулем, дорожную сеть кривоножкой и даже двойной кривоножкой, растительный покров, деревья, там, осоку в болоте, всё ручкой, пёрышком, тушью китайской: с помощью синусной линейки расчертив пространство. Не камни ворочать, не на холоде и дожде стоять – камеральные условия, от слова камера, вот и чувствовать она себя постепенно стала как в камере, от этих камеральных работ. Так и сидела она, как королева пространства, управляя на чертеже полями, лесами, дорогами и городам, на сходя со своего места. Так конечно она на этой работе и не просыпалась: голова работает, мысли бродят, где попало, камеральные работы хоть и чистые, а чувствуешь себя как в камере, как в тюрьме то есть.

Сидит год, сидит два, рождается второй сын, время идёт, а она всё крепче спит, только на работе она уже не простой картограф, а редактор. Чертить редактору не надо, надо говорить составителю, что чертить, а потом проверять, что начертил составитель, а так как во время черчения, она сама знала, голова, бывает, отключается полностью в погоне за непослушными мыслями, которые уводили куда попало, то и проверять надо было внимательно, потому что и чертили, что попало.

Так бы и умерла во сне, не просыпаясь, в положенный ей срок, если бы не случай. Работа Спящей красавицы располагалась неподалёку от её дома и она ходила на работу пешком, занимала дорога пятнадцать минут, мечта многих принцесс. Но после того, как она

родила второго мальчика и прошёл декретный отпуск, который в те времена уже составлял три года, это со старшим она сидела только год, а с младшим уже три, то оказалось, что в отпуск она уходила со старого места работы, а выходить ей пришлось на новое. Располагалось оно в районе метро «Текстильщики», промышленном районе Москвы, прямо напротив АЗЛК, из окон ПКО были видны окна цехов АЗЛК, располагавшихся аккуратно через открытую ветку метро. После выхода из декрета Спящая красавица вышла уже в район Текстильщики и поступила в распоряжение старшего редактора по фамилии Жив, а Спящая красавица пока была просто редактором. Хорошая фамилия – Жив. Давно, ещё на старом месте, когда Спящая красавица только вышла на работу, то ей дали делать учебную геологическую карту Советского Союза. Сначала как положено, она прочитала редакционные указания, где было написано, с каких материалов надо составлять, то есть чертить ручкой китайской тушью специальное содержание, ареалы распространения геологических пород на поверхности земли. В конце редакционных указаний Спящая красавица прочитала: редактор Жив. Неужели надо писать жив редактор или умер? Надо же! Оказалось, что Жив, это такая прекрасная фамилия, которая всё время напоминала и человеку, и остальным людям, что обладатель этой фамилии жив! Кроме случая, когда этот человек умрёт. Такой-то Такойтович Жив – умер. В остальных случаях – жив!

Оказалось, что старший редактор Жив, Дина Ильинична, делала в то время очень важный, интересный, содержательный, новый научный атлас геологии и геофизики Атлантического океана под руководством молодого, как о нем писали, семидесятилетнего ученого Глеба Борисовича Удинцева. Работы по атласу было много, забегая вперёд, скажу, что работы будет лет на двадцать, или более того, и старшему редактору Жив понадобились для развёртывания работ ещё редакторы. Вот и попала Спящая красавица к редактору Жив.

Однажды поехала старший редактор Жив в Институт географии, что неподалёку от Третьяковской галереи, в Пыжевском переулке, тоже очень волшебном, на встречу с авторами карт для атласа Атлантического океана и взяла с собой Спящую красавицу. Вот там-то и грянул Гром небесный и несчастная Спящая красавица на горе себе неожиданно проснулась. Никто не мог предположить, чем эта встреча обернётся. Обернулась она судьбой: счастьем и горем, стихами, и новым многолетним сном опять заснувшей Спящей красавицы.

Вот входят Жив и Спящая красавица в помещение, где назначена встреча с авторами карт для атласа, и видит она небольшой кабинет с высокими потолками, все стены которого представляют собой полки с книгами и несметными, то есть не поддающимся счёту, минералами. Были там и большие кристаллы различных цветов, и друзы, это когда много кристаллов растут из породы, и минералы в виде сотов, и минералы в виде тонких-претонких, сложенных в стопку листиков и минералы как рассыпанный гранат и как леденец огромных размеров и с прожилками, и блестящий, как золото пирит, золото дураков, и невзрачное настоящее золото, и пестрый серпентинит, и сочный лабрадорит, и синий, как глаза одного принца, лазурит, и аметист, избавляющий от пьянства, и халцедон и изумруд, излечивающий от слепоты, и малахит, радующий чистые сердца, и гранит, и обсидиан, чёрное вулканическое стекло, и моховые, с уже готовыми картинами природы, агаты, и сахарные мраморы и королевские порфиры, чего там только не было.

Окна высокие и узкие.

– Проходите, пожалуйста, – сказали авторы, они уже обосновались с одной стороны большого стола, как положено по этикету. Прошли Жив и Спящая красавица, устроились чинно, и тут смотрит Спящая красавица – сидят напротив четыре принца-геолога, один краше другого. Лица у них как у капитанов парусных кораблей – глянешь, вроде суровые, обветренные, загорелые, а под этим, как под коркой – сплошная романтика, грусть нежных потерь и страдания чистых сердец.

Все хороши, а один – глаз не отвести: глаза чистые, васильковые, как самое глубокое синее море, утонуть можно без спасательного круга, не выходя из комнаты, лоб высокий, сразу видно, умный. Как посмотрела ему в глаза Спящая красавица, так сразу поняла, что погибла: полетела в его глаза как в пропасть, только лететь ей в эту пропасть было легко и приятно. Вокруг неё как будто стал разворачиваться вихрь.

Потолок взлетел ввысь, стены закачались, выросли и разошлись в разные стороны, пошло движение воздуха, дождь пополам с солнцем, и глаза спящей красавицы будто в первый раз раскрылись, будто в первый раз мир увидела. А ещё этот принц спросил Дину Ильиничну Жив:

– А фамилия девушки будет в атласе?

– А как же, – сказала Дина Ильинична Жив, – конечно будет, как редактора карт.

Заметил, пело сердце Спящей красавицы, он меня заметил! Она так боялась смотреть в его глаза, чтобы ненароком не провалиться, что не заметила, как кончилась встреча.

Это произошло весной и внезапно разбуженная Спящая красавица никак не могла привыкнуть к красоте и ярости мира, которых она раньше не замечала, пока спала. Море удовольствия, море радости, которое обрушилось на Спящую красавицу, так ошеломили её, то есть дали по шелому, по шлему настучали так, что она поразилась, как она так долго спала и ничего этого не видела. Зато теперь она наслаждалась тем, что она может чувствовать. Она упивалась этой способностью. Она чувствовала всё подряд.

Чувствовала, как растут деревья, медленно, распираемые соками, чувствовала не грусть, как люди, глядя на опавшие листья, а терпение и уверенность, что за зимой придет весна и соки деревьев опять заставят набухнуть тело дерева и кора треснет сочно от этой полной радости жизни, и появится трещинка а потом ещё и ещё. Чувствовала она, как ночью раскрывает окно, а тело, тело всё так же лежит на кровати и она, наполненная светом и воздухом, как шар летит вверх, где воздух становится постепенно холоднее и ей приходится возвращаться обратно, но она успевает увидеть коробки домов, расставленные вдоль улиц со светлым асфальтом и светом фонарей, растворенных в зелени деревьев. На море она чувствовала, как сама становится рыбкой и волны меняют ритм её сердца на свой ритм и в сердце стучатся синхронно, но не могут встретиться из-за ребер, и чувствовала, как на небе воюют теплые с холодными, и в зависимости от того, кто побеждает, возникает теплый либо холодный фронт, и от этого идёт дождь, она чувствовала, что её муж видит, как она изменилась и не может понять, что с ней, она чувствовала, что если не позвонит принцу с синими глазами, то её пробуждение будет напрасным и она не успеет встретиться с ним, как опять заснёт.

Правда, у этого отрадного явления была вторая сторона, как у любой медали: чувствовать она стала слишком сильно. Видимо, от радости, что она проснулась, Спящая красавица взяла в руки слишком большую ложку, не по зубам.

Несколько недель продлился инкубационный период, в течение которого она иногда встречалась с синеглазым принцем в ПКО, когда он приносил авторские материалы для карты тёплых течений в океане. В этот период принц подарил ей свою самую знаменитую сказку, изданную в миниатюрном формате, что окончательно перевернуло жизнь Спящей красавицы. Инкубационный период кончился и она влюбилась. Как всегда после пробуждения, она пришла в восторг от этого открытия, ведь раньше она спала, а тут такое сокровище чувств – она влюблена. Ей нравилось быть влюбленной. Она распробовала это чувство как небесное вино, нечаянно попавшее ей в руки. Дрожащие, алчущие руки. Но ей всё было мало. Ложка большая, но ей мало, мало, мало, ей нужно всё. Если не дадут, если не нальют этого небесного вина, то она умрёт, она это точно знала. Умрёт, заснёт, какая, к чёрту, разница!

Жажда была такая сильная, как у апельсиновой девушки. Не напоит он её – она умрёт точно так же, как она. Счастье, чувства, восторг, тоска и жажда били так сильно, что скрывать это она просто не могла и муж Спящей, пардон, Разбуженной красавицы, обострённым чутьем почти покинутого мужа вычислил, что Спящая красавица превратилась в Разбуженную, но не им. Открытие не из приятных.

Синеглазый принц, оценив обстановку, понял, что политика невмешательства, разумного ограничения и двойной жизни Разбуженной красавице уже не поможет, и придётся что-то решать, понял, что он не может по ряду причин взять Разбуженную Красавицу на себя, потому что забрать её из семьи, как вырвать дерево из земли и перенести его на пляж, например, потому что она не одна, у неё разветвленная семья, мать, отец, муж опять же, сын, второй сын, вырвать её из этой грядки нельзя, если вырвать, то всё порушится. Опять же мужу её он пообещал, что не будет продолжать с ней отношения, пообещал на глазах бога, то есть бог свидетель: мы что-то обещаем друг другу, а бог является свидетелем нашего обещания.

Сколько ни билась Разбуженная Красавица, чтобы принц возобновил с ней отношения, он был непреклонен и стоял на своём.

Большая ложка Разбуженной Красавицы осталась не у дел, а ей, по-прежнему сильно чувствующей, надо было всё. Всё! Всё!! Всё!!! Большой ложкой. Принц не давал, не мог: он ведь обещал богу. И, отчаявшись от страха, что просто умрёт без него, она, не зная, как ей иначе выжить, опять заснула, как после аффекта. И так крепко заснула, что опять стала Спящей красавицей и ходила по дому типа: Что воля, что неволя – всё одно, но сработало. Она выжила, только опять спала: и во сне, и наяву. Вот такая история. И если вы думаете, что это конец, как думала и сама Спящая Красавица, то вы ошибаетесь. Она-то точно думала, что она больше не проснется и умрёт в положенный срок прямо во сне, но получилось не так, как она думала.

Получилось глупо и смешно, как это часто бывает в жизни.

Она жила уже во сне, заснув по второму разу после первого пробуждения, и уже думала, что синеглазый принц не существовал вовсе и всё это ей только приснилось, как вдруг после пятнадцати лет неведения она получает весточку от него – облако, серое сверху и с нежной светлой розовой подкладкой, а потом – клочок тумана в открытое окно, ну, точно от него, она же знает, потом листик зелёный, исписанный жилками, что написано – она никому никогда не скажет, но, чудо! Она во второй раз проснулась! Второй раз на те же грабли, Ой-ё-ё-ё-ё-ё-й! Ну, ладно, один раз проснулась, заснула потом, и всё спокойно, ну чтобы второй раз проснуться от того же принца, этого ни в одной сказке не было. Кошмар! Опять что ли чувства, стихи и – не спать?

Не спать, Спящая красавица!

Мораль. После пробуждения очень хочется плакать от полноты чувств, и дальше реветь – по инерции. Тут, самое главное, не превратиться в Царевну-Несмеяну, а хуже того – в помесь Спящей красавицы с Царевной Несмеяной, а то будешь пол-суток спать и пол-суток – плакать.

14.06.13

Прекрасный?

Недалеко от станции метро «Текстильщики», в ареале высокой плотности населения принцами и принцессами, а также многочисленными полукровками, в промышленном задымлённом районе по соседству с Принцем-на- Горошине и его другом, у которого случилась неприятность с тремя апельсинами, хотя пока ещё рано говорить о тотальном неведении, возможно принцесса из третьего апельсина ещё жива и когда-нибудь появится на его горизонте, жил ещё один принц, приятель первых двух. Прозвище у него было очень даже хорошее. Прозвали его Прекрасный, что вполне соответствовало действительности. С самого раннего детства он отличался от своих сверстников в лучшую, конечно, сторону. Он был самый умный, самый вежливый, самый скрытный, самый творческий, самый таинственный и самый загадочный на свете принц. Мало что принц. Так ещё и самый прекрасный на свете. Кому-то всё – кому-то ничего, почему всё так несправедливо?

Принц любил покрасоваться, отчего же нет, если Вы – Прекрасный принц, верно? Обласканный вниманием всех, кто его видел, он так привык к всеобщему обожанию, что обижался как ребёнок, если к его ногам не сразу падали сражённые его обаянием люди, не важно, мужчины или женщины, даже дети и старики, никто не мог устоять перед его неземной красотой. Но юные девы, это отдельная история! Девы падали к его ногам как спелые груши.

Принц сам пописывал стихи и прозу. Его приятные, полные светлого юмора и ненавязчивой мудрости, вещицы были очень популярны и печатались на обратной стороне всех бланков, справок, квитанций в городе. В результате рассерженные горожане, получившие огромные счета, обнаружив с обратной стороны документов стихи и истории принца, принимались читать их и забывали о неприятностях, в общем, дело это оказалось полезное, и поступило предложение печатать афоризмы принца и на денежных купюрах, чтобы они радовали подданных, но изящных афоризмов оказалось так много и так трудно было выбрать из них самые интересные, потому что они все были блестящими, то пришлось создать комиссию, которая уже пять лет не могла решить, какие афоризмы выбрать из обширного творческого багажа принца.

Принц слагал также короткие стихотворные притчи и считал себя пророком, что ж, принцам это позволительно и это не самая ужасная черта характера. Молодые девушки, узнав о литературных талантах принца, тоже стали писать стихи, это оказалось столь заразительным, что все они вскоре перешли на язык поэзии. Язык страдал. Стихи были ужасные и просто плохие, и все родственники заболевших девушек отравились этими стихами, у них начался неудержимый понос и желудочные колики. После того, как эпидемия стихосложения приняла массовый характер, что грозило перерасти в пандемию, министерство здравоохранения под страхом смертной казни запретило молодым девушкам, влюблённым в принца, заниматься стихосложением. Остальным гражданам, не влюбленным в принца, разрешили сочинять стихи, так как они не наносили ущерба здоровью, только надо зарегистрироваться в министерстве стихосложения и предъявить справку, что автор не влюблён в Прекрасного принца, такие справки выдавали в психдиспансере бесплатно, а можно было просто купить на Центральном рынке.

Действительно, в Прекрасного принца нельзя не влюбиться, и в стране не осталось поэтов, так как все были в него влюблены и им не разрешалось заниматься стихосложением, поэтому писали только мужчины, и то не все.

Принц имел вид многозначительный и таинственный, он, как мрачный Байрон, опалён огнём нежного страдания и романтической печали, а это сильно действует на молоденьких девушек, у него была пышная волнистая тёмная шевелюра, которая так и манила девушек

запустить в неё ручки, он зачёсывал волосы назад, открывая высокий прекрасный лоб, и печать перенесённых потерь проступала на челе принца, как свет, что притягивало самых чувствительных и нежных принцесс.

Принцессы, полукровки и простолюдинки слетались к нему стаями. Как мухи. Зная об этой способности принца, другие принцы приглашали его в гости, когда надо было избавиться от надоевших поклонниц. Он приходил на бал, поражал всех своей неземной красотой и уходил, окружённый роем восторженных поклонниц, а хозяева праздника могли вздохнуть спокойно. Прекрасный, добрый, отзывчивый человек, говорили они. И дом очищает от этих надоедливых девиц. Вместо дезинсектора.

От любви к нему поумирало больше народу, чем от аппендицита. Умерших от любви к нему даже хоронили на отдельном обширном кладбище, потому что к сорока годам жизни принца их насчитывалось уже более тысячи. Там была построена прелестная церковь. И церковь, и кладбище погибших от любви к принцу, привлекали почитательниц Прекрасного принца. Серая каменная церковь в псевдоготическом стиле была устремлена ввысь своим гордым шпилем, по краю крыши на страже небесной красоты принца сидели каменные горгульи. Их ужасные тела и отвратительные лица с разверстой пастью, из которой во время дождя хлестала вода, должны были отпугивать от смиренной обители злых духов, что они успешно и делали. Кроме того, своим уродством они подчёркивали живую одухотворённую красоту принца – по контрасту.

Внутри церкви стояли массивные чёрного дерева скамьи; приделы хранили таинственный полумрак, из которого выступали фигуры святых, лики их были похожи на Прекрасного принца как две капли воды. Некоторые усматривали в этом сходстве нескромное желание принца похвастаться лишним раз своей неземной красотой, а некоторые говорили, что такие прекрасные изваяния побуждали приходиться в храм, чтобы полюбоваться на его прекрасное лицо, чаще, чем это было угодно богу, и это богохульство!

Печальный погост никогда не пустовал. Дело в том, что принц, сохраняя уважение к погибшим на поле любви к нему, отдавал им почести не реже чем раз в год. Он никогда не говорил точно, когда он в траурном наряде, без головного убора, на белом коне с копьем, опущенным в знак уважения к погибшим, медленным аллюром проскачет по кладбищу, поэтому преданные фанатки ждали его появления каждый день.

Поскольку девушки приходили так часто, как могли, то они перезнакомились, подружились и организовали нечто вроде фан-клуба Прекрасного принца. Они даже распространяли в своей среде глянцевый журнал, посвященный принцу. Там печатались статьи с его фотографиями: он на лошади, он играет в поло, он ужинает о обществе совершенно никакой девушки – принц специально просил подобрать не слишком красивую девушку для фотосессии, чтобы не дай бог, какая-нибудь из его поклонниц не почувствовала себя униженной. А так все довольны: фанатки – что они не хуже, чем спутница принца на фото, а сама героиня на фото была довольна, что попала в глянцевый журнал рядом с Прекрасным принцем. Потом шли статьи о доме принца, об интерьерах его покоев, о машине принца, о научной работе принца, да-да, принц имел работу, имел он эту работу, имел также научное звание доктора наук: он скуки ради занимался исследованиями.

Ещё в принце было что-то от архивариуса: он собирал все-все записки, бумажки, письма, закладки, стихи, рассказы и прочее, что написали ему поклонницы, помечал, от кого эти письма, и хранил их в канцелярских папках с разноцветными завязками. Папок было так много, что когда он переезжал, то только для них пришлось заказывать Камаз. Он хотел издать их в дорогом переплёте, но ни одно издательство в стране не взялось за столь масштабный труд. Поэтому папки хранились на стеллажах в гардеробной принца и там уже негде пройти.

Первый гром грянул, когда ему исполнилось сорок лет. Он облысел. Для любого другого мужчины на это дело обычно бывает всё равно, не всегда, конечно, но в большинстве случаев. Но для красавца-принца это стало огромным ударом. У него до этого была замечательная, см. выше, шевелюра, привлекающая девушек, а тут в мгновение ока образовалась обширная, извините за выражение, плешь, которая разрушала замечательный образ прекрасного принца.

Бороться с уже образовавшейся лысиной поздно, и принц решил эту проблему простым и элегантным способом. Он приказал изготовить для него несколько сотен головных уборов. Почему так много? Во-первых, он любил разнообразие, во-вторых, он хотел порадовать своих почитателей своими новыми образами, в-третьих, он дал работу сотне мастериц, которые часто сидели без работы, а он предоставил им рабочие места и хороший заработок, в-четвёртых, он, приходя на примерки, познакомился со всеми швеями и семьдесят из них вступили в его Фан-клуб, а тридцать были названы его гостьями на ближайшем балу. В общем, наличие лысины ненадолго омрачило жизнь принца, и так же быстро, как облачко с лица солнца, исчезло.

Больше всего прекрасный принц любил огромный бархатный берет с огромным плюмажем, в котором он сам себе напоминал то ли художника, то ли артиста, берет был расшит крупными камнями свarovски и стоил полквартиры на окраине Москвы.

Второй удар настиг принца на пороге его пятидесятилетия. У него разыгрался радикулит. Пришлось отказаться от конных прогулок и пересест в мерседес. В нём принц стал, по нынешним временам, выглядеть ещё более привлекательно.

Девушки уже просто не могли смотреть на него более пяти секунд, так как падали на землю замертво. Ассоциация врачей даже издала специальную брошюру для девушек, которую бесплатно раздавали в техникумах, училищах и институтах с университетами. Брошюра носила броское название «Увидеть принца и не умереть!». Там приводились полезные советы, которые помогали простым девушкам, полукровкам и принцессам не получить смертельную дозу поражающей красоты принца и остаться в живых. Например: «Увидев принца наденьте специальные очки!», они продавались довольно дёшево в любом киоске и были доступны в любой момент; специальные очки приглушали божественную красоту принца – в них он выглядел как обычный мужик. Эти очки спасли жизнь многим девушкам и обогатили производителей очков. Был и такой совет: «если вы увидели издали берет принца, переходите на другую сторону улицы» – это хороший совет, как удачно, что берет был большой, заметный, и многие девушки спаслись и в дальнейшем удачно вышли замуж. Был совет: «закрыть глаза», но это плохой совет, потому что последовавшие этому совету девы попадали под машины или ломали конечности и поэтому брошюру признали вредной и изъяли из обращения.

Время шло. Принц постарел ещё на десять лет. Ему стукнуло шестьдесят. Он не знал, что делать?! Он стоял перед зеркалом и внимательно себя рассматривал. Раздались первые тревожные звончки, подумал он.

– Вообще-то вторые и даже третьи, – сказала зеркало. Он так удивился, что потерял равновесие и сильно ударился пятой точкой о мраморный пол. Зеркало обнаглело и продолжало хамить:

– Ты посмотри на себя! Ты же страшнее, чем твоя фотка в паспорте.

Прекрасный принц возмущенно сказал:

– Что ты понимаешь, стекляшка!

– А раньше ты называл меня «хрустальным озером настоящего», а фотографию ты называл «радужным озером прошлого», – хмыкнуло зеркало, – врал, значит!

– Да кто ты такое, что б так с Нами разговаривать! – гневно прикрикнул он на вредное стекло.

– Я, между прочим, прямое родственнице, если можно так сказать, – родственнице, ведь есть родственник, есть родственница, а почему не быть родственницу? Среднего рода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.